

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

Домашняя работа

A person wearing a red hooded sweatshirt is seen from the back, holding a double-barreled shotgun across their shoulders. They are standing in front of a dark chalkboard. The chalkboard has several bullet holes and the Russian phrase 'Домашняя работа' (Homework) written in white chalk. To the right, the equation 'a+b=c' is also visible. The scene is dimly lit, with a light source from below creating a glow on the person's hoodie and the bottom of the chalkboard.

КЛАСС

ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛУМБАЙНА

Павел Алексеевич Астахов
Класс. История
одного колумбайна
Серия «Адвокат Артем
Павлов», книга 14
Серия «Астахов. Современный
российский детектив»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67240368
Класс. История одного колумбайна: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-166087-1

Аннотация

Только за последние четыре года в России произошло 7 случаев расстрела учащихся в образовательных учреждениях.

Кто виновен в том, что молодые люди расстреливают своих однокашников? Может, государство с его беспомощным «управлением» культурой, «заботой» о морали и нравственных ценностях? Или кинематограф, который «крутит» по всем кинотеатрам страны бездуховные и пошлые поделки, мерзкие ужастики и пошлость? Что они несут молодым людям? Агрессию, упадничество, безысходность...

Этой – одной из самых тяжелых проблем нашей действительности – и посвящен новый роман Павла Астахова.

В этот день у Дмитрия Свободина все пошло наперекосяк. Рано утром умерла бабушка, которая его воспитывала. Потом ему пришлось терпеть хамство санитаров и участкового. Потом ему всыпали на работе за опоздание. Потом он поругался с отчимом, который презрительно назвал его неудачником и, добавок, тем обидным прозвищем, которое прилипло к нему еще в школе.

В школе... Именно она была источником всех его бед и неудач. И та троица одноклассников, которые над ним издевались, – тоже виноваты, что он неудачник. И тупой физрук, который постоянно унижал его перед девочками. И вся та жестокая, лживая, душина атмосфера 11 «Б» класса...

И ничего в затуманенном сознании не осталось, кроме жажды мести. Чудовищной, неуправляемой, дикой, как бешеное животное. Дмитрий схватил помповый дробовик отчима, набил карманы патронами и пошел в школу, которую окончил три года назад. Как раз в это время там проводил урок известный адвокат Артем Павлов...

В основе романа – реальные трагические события, которые произошли в нашей стране в последние годы (175-я школа в Казани, школа № 1 в подмосковном городе Ивантеевка, Пермская школа № 127, школа № 5 Поселка Сосновый Бор в Улан-Удэ, школе № 1 Стерлитамака, Керченский политехнический колледж, Амурский колледж строительства и ЖКХ).

Книга настолько эмоциональна, настолько сильно побуждает задуматься о судьбе молодых россиян, что, без преувеличения,

должна стать настольной для каждого старшеклассника, для каждого родителя.

Содержание

Бабушка	7
Все сам	21
Рекламные буклеты	31
Свой чужак	39
Предстоящая лекция	49
Отчим	52
Часы из малахита	60
Встреча одноклассников	65
Школа № 125	71
Вооружен и опасен	75
Гром	82
Первая цель	87
Физрук	93
Пожарная тревога	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Павел Астахов

Класс. История одного колумбайна

© Астахов П.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Самая благородная и сладкая месть – это
прощение.*

Пьер Буаст

Бабушка

Похожий сон Дима Свободин видел уже не первый раз, он повторялся неоднократно, а в последние месяцы все чаще и чаще. И этот кошмар, с жутким упорством воспроизводящий события многолетней давности, каждый раз изобиловал массой таких пугающих деталей, которые не были им замечены в тот день, когда все случилось. И это было понятно – трагедия произошла почти семнадцать лет назад, когда ему едва исполнилось пять.

В то время они всей семьей отдыхали на Черном море, в районе Анапы, в частном доме. В их двор часто заходила бездомная дворняга. С грязной, свалявшейся шерстью, хромающая на заднюю лапу, она бродила по округе и преданно заглядывала каждому встречному в глаза, выпрашивая еду. Местные жители давно привыкли к ней и изредка кидали корку хлеба или кость. Ее все почему-то называли Елкой. Почему именно Елка? Да кто теперь знает. Елка и Елка. Дима тогда про себя решил, что, наверное, это из-за шерсти собаки, которая со временем превратилась в заскорузлый колтун, словно когда-то мягкая шубка внезапно ошетибилась хвойными колючками. И действительно, однажды, набравшись храбрости и осторожно погладив Елку, он с изумлением ощутил подушечками пальцев загрубевшую шершавую корку.

Маленький Димка тоже подкармливал Елку, тайком, чтобы этого не видели взрослые. Прятал в карман кусок хлеба или половину котлеты и бежал на улицу, высматривая бездомную псину. Елка постепенно тоже привыкла к нему и, потягивая, бежала навстречу, радостно виляя облезлым хвостом. Она быстро и жадно проглатывала угощение, просительно глядела на Диму своими большими слезящимися глазами. В то лето Елка встречала его уже беременной, и Дима, сгорая от нетерпения, ждал, когда наконец на свет появятся щенки.

Но щенки не появились.

Мучивший его навязчивый сон начинался как обычно ровно и безмятежно. Солнечное, теплое утро, на завтрак – душистые аппетитные блины со сметаной и абрикосовым вареньем. Дима тайком прихватывает два блина и торопливо засовывает их в шорты – родители не одобряли его сентиментальные порывы кормить беспризорную живность в округе. Вокруг карманов штанишек проступают жирные пятна, но мальчик не придает значения этим мелочам и спешит на улицу. Пора накормить Елку – она вот-вот должна родить, и ей нужно хорошо кушать!

Он выбегает на дорогу, бросив распахнутой калитку. Собаки нигде нет.

Выкрикивая ее имя, Дима идет искать бедную дворнягу. Странно, куда она подевалась?! Блины в карманах слиплись, превратившись в бесформенные остывающие комочки.

«Елка, Елка», – зовет он, крутя по сторонам стриженной головой.

Где же она? Он уже дошел до колодца, а дальше начинается асфальтированная дорога, по которой ездят машины и автобусы, и родители строго-настрого запрещали так далеко уходить, но псины все не видно.

«Я только посмотрю, нет ли там собаки, и сразу обратно», – решает мальчик.

Он приближается к трассе и видит, что на пыльной обочине лежит что-то неопределенное, бесформенное, грязное, серо-красное, и *это* мерзкое существо шевелится. Внутри Димы что-то неприятно царапает, словно предвещая беду.

Он напряженно вглядывается и внезапно вздрагивает от всполыхнувшей догадки: «Это – Елка!» Собака еще жива, ее трясет как в ознобе. Она судорожно открывает и закрывает пасть, словно ей не хватает воздуха. Голова и передняя часть Елки целая, а вот то, что начинается потом... Белый как мел, Дима неотрывно смотрит на агонию бедного животного.

«Это похоже на кашу. Красную кашу», – возникает у парнишки мысль. И даже много-много дней и месяцев спустя при одном лишь воспоминании об этом перед глазами возникал багровый туман, а живот мальчика скручивали спазмы.

Но это случится потом. А сейчас...

На раскаленном от солнца асфальте виднеется алый блестящий след, и Дима не сразу догадался, что Елку сбила ма-

шина, и она из последних сил отползла на обочину.

Из глотки собаки доносятся какие-то хрипы, и в какой-то безумный миг мальчику чудится, что умирающая собака хочет ему что-то сказать.

Чудовищное зрелище оглушило и раздавило его, никогда ничего подобного за всю свою короткую жизнь Дима не видел. Словно в чужом теле, он неосознанно делает шаг вперед. Он чувствует, будто что-то сдерживает его, как... стальной обруч.

Собака хрипит, ее глаза затуманиваются.

«Елка, – шепчет Дима, чувствуя, как что-то щиплет его глаза. – Елка, Елочка... не умирай, пожалуйста!»

«Дима!»

Он вздрагивает, с ужасом глядя на Елку. Кто зовет его по имени?

«Дима, помоги!»

Стекленеющий взгляд издыхающей собаки гипнотизирует.

«Елка? Это ты мне?» – тихо спрашивает он.

«Помоги, внучок», – уже отчетливо произносит Елка.

Ошарашенный Дима, спотыкаясь на ватных ногах, пятится назад.

«Дима!»

По телу собаки пробегает предсмертная дрожь, и мочевого пузыря Димы опорожняется сам по себе. По бежевым шортикам расплывается темное пятно.

«Меня накажет мама», – отстраненно думает он.

Блины, уже остывшие, до сих пор лежат в карманах. Дима понимает, что Елка уже никогда не попробует эти блины. Впрочем, как и другие вкусности, которые он всегда приносил этой бездомной собаке...

Глаза застилают слезы, жгучие и прозрачные.

– Дима!

Опоясывающий его стальной обруч разваливается, и он, набрав в воздух легкие, кричит, зажмуриваясь от ужаса...

Он тут же разлепил веки, с гулко стучащим сердцем подскочив на постели. Солнце еще не встало, в комнате царит предрассветный полумрак. Дмитрий коснулся лба, покрытого холодной испариной.

«Бедная Елка. Бедные щенки».

Эта мысль вонзается в его сознание и, мягко рассекая действительность, скользит следом за обрывками жуткого сна, будто увлекаемый ветром пожухлый лист.

– Ди... мочка!

Он вздрогнул, словно получив пощечину. Моргнул несколько раз, чтобы окончательно убедиться, что все происходит наяву. Но этот хриплый, надрывный голос...

– Ди... – снова послышалось откуда-то из коридора.

«Бабушка!»

От этой пронзительной догадки Дмитрия словно обдало жаром. Пугаясь в одеяле, он спрыгнул с кровати и бегом ки-

нулся из комнаты.

Маргарита Васильевна лежала в коридоре, рядом с ванной комнатой, и в какие-то доли секунды парню показалось, что это вовсе не бабушка, а умирающая Елка с разорванным животом. Дмитрий упал на колени перед старой женщиной, с затаенным страхом вглядываясь в ее бледное осунувшееся лицо.

– Димочка, – с усилием проговорила Маргарита Васильевна, невидяще глядя на внука.

– Бабуля, что с тобой? Ты поскользнулась?

Дмитрий прилагал невероятные усилия, чтобы его голос звучал спокойно, но это не очень-то получалось – внутри уже все ходило ходуном от нарастающей паники. Бабушка была в длинной просторной ночной рубашке, и он торопливо поправил ткань, закрывая ее дряблое бедро.

– Я тебе сейчас помогу! Все будет в порядке...

Он обошел лежащую старушку и, присев на корточки, осторожно взял ее под мышки. Но лишь стоило приподнять ее, как из блеклых губ бабушки вырвался протяжный стон. Дмитрий испуганно разжал пальцы.

– Боль... больно, – прошептала Маргарита Васильевна. – Спина...

Дмитрий выпрямился, оглядываясь по сторонам.

– Я вызову «Скорую», – сказал он наконец.

Бабушка молча смотрела на него, и вновь молодой человек подумал, что на него глядит умирающая Елка.

– Спину не чувствую, – чуть слышно пробормотала бабушка. – Ноги... отнялись... я тебя... плохо вижу... Дай руку...

– Сейчас, сейчас, погоди, – заторопился Дмитрий. Он бросился к телефону, на ходу вспоминая, по какому номеру вызывать «Скорую помощь».

«103» – щелкнуло в мозгу, и он, нажав нужные клавиши, с замершим сердцем прижал трубку к уху.

– Пожалуйста, человеку плохо! – заговорил он, услышав безликий голос диспетчера. – Возраст? Восемьдесят семь. Она упала, на полу лежит, что-то с позвоночником!.. Адрес...

Закончив разговор, он повернулся к бабушке.

– Скоро приедут врачи, – сообщил он, стараясь унять дрожь, волнами пробегавшую по всему телу. – Не переживай, тебе обязательно станет легче!

Маргарита Васильевна ничего не ответила. Глаза ее широко раскрылись, дыхание стало kloкочущим, словно она захлебывалась, и Дмитрия охватил отчаянный страх. Что делать в таких случаях?! Перевернуть на живот?

– Димочка... дай... руку, – прохрипела бабушка. Старческая грудь под ночной рубашкой ходила ходуном, страшные хлюпающие звуки, доносящиеся из ее рта, становились громче и отчетливее. Казалось, внутри Маргариты Васильевны что-то лопалось и рвалось. Она с трудом приподняла свою руку, высохшую, с набухшими фиолетовыми венами,

и Дмитрий обхватил ее пальцами, поразившись, насколько холодной была ее кожа. Словно вся кровь в сосудах и венах бабушки превратилась в кристаллики льда.

– Прошу тебя, потерпи немножко, – взмолился он. – Скоро все закончится!

Глаза пожилой женщины закатились, пальцы впились в ладонь внука, и Дмитрий почувствовал, как в горле застрял комок.

«Где же “Скорая”? Сколько еще ждать?» – безостановочно крутилась в голове мысль.

Так он и сидел, сжимая холодные пальцы бабушки. И хотя прошло всего несколько минут, Дмитрий был уверен, что как минимум пролетел час.

– Я напомню им, – произнес он, аккуратно высвобождая пальцы. – Я только еще раз позвоню... Они ведь должны быстро приехать... Может, они неправильно записали адрес...

Тело Маргариты Васильевны неожиданно выгнулось дугой, с губ сорвался короткий хрип. Дмитрий побледнел.

– Алло, «Скорая»! Подтвердите вызов, Песчаная улица, дом 12! Человек умирает! – закричал он, уже не сдерживаясь. – Почему так долго?! У нее конвульсии!

Гневно швырнув трубку, он вернулся к бабушке. Клокочущие звуки прекратились, бабушка лежала неподвижно, из полуоткрытого рта выползала пена. Мутнеющие глаза смотрели в потолок.

– Бабушка? – вполголоса позвал Дмитрий, боясь даже подумать, что произошло непоправимое. – Бабушка, я напомнил им, они сейчас придут!

Он осторожно коснулся ее руки. Пальцы даже не шевельнулись. И грудь Маргариты Васильевны больше не вздымалась.

– Бабуля, – шепотом позвал Дмитрий.

Тишина. Лишь в бабушкиной комнате слышалось монотонное тиканье настенных часов.

Он медленно протянул руку к морщинистой шее бабушки. Она, в отличие от ее рук, была еще теплой. Несколько минут Дмитрий тщетно пытался нащупать пульс, после чего вспомнил о зеркале. Он быстро поднялся и вошел в комнату бабушки.

«У нее просто приступ, – мысленно успокаивал он себя. – Все процессы замедлились, поэтому я не смог найти пульс...»

«А как насчет пены изо рта? – заговорил внутренний голос. – У нее была агония, и ты это знаешь. Просто боишься признать, что она мертва!»

– Нет! – крикнул Дмитрий и тут же испугался собственного голоса – он прозвучал как вопль обреченного. Схватив с застеленного скатертью стола зеркальце, он ринулся обратно. Затаив дыхание, он поднес его к застывшим губам бабушки. Спустя какое-то время внимательно осмотрел поверхность зеркала. Чисто, не единого пятнышка.

«Парень, у нее уже губы начали синеть», – прошептал все тот же голос, и рука Дмитрия дрогнула, едва не выронив зеркальце.

– Заткнись! – заорал он в пустоту. – Она жива!

Голос умолк, и молодой человек вновь опустил зеркало к губам бабушки. На этот раз он держал его так долго, что пальцы начали трястись. Дмитрий всхлипнул. Положив зеркальце рядом, он с трудом поднялся на непослушных ногах. В висках что-то бухало и грохотало, перед глазами плыл мутный туман, словно он нырнул в грязную воду.

Что делать теперь? Отнести ее в комнату?

Он глубоко вздохнул и затряс головой, пытаясь привести мысли в порядок.

«Нет. Нельзя. Должна прийти полиция, пусть лучше все будет, как есть», – решил он.

Свободин старался не смотреть в лицо покойной, но его взгляд настойчиво, помимо воли, снова и снова возвращался к ее глазам, которые уже начала затягивать молочная пленка.

– Я накрою тебя простыней, бабуля, – тихо сказал он и на трясущихся ногах направился к шкафу с бельем. Но едва он выдвинул ящик, как в дверь позвонили. Дмитрий медленно выпрямился, глядя в сторону прихожей. С того самого момента, как он возился с зеркалом, у него совершенно вылетела из головы «Скорая помощь», время приезда которой уже превысило все мыслимые и немыслимые нормы. Только какой теперь смысл в этих врачах?!

В дверь снова позвонили, но Дмитрий с нарочитой неспешностью достал из ящика сложенную простыню и, расправив ее, бережно накрыл тело бабушки. Остались видны лишь ее ступни – одна босая, другая в тапочке. Дмитрий хорошо помнил эти пушистые синие тапочки – он сам подарил их бабушке в прошлом году. Родившаяся в деревне в многодетной семье, пережившая блокаду в Ленинграде и всю жизнь проработавшая медсестрой, Маргарита Васильевна знала цену деньгам и всегда трепетно относилась к вещам. Каких трудов Дмитрию стоило уговорить ее выбросить старые, стоптанные до дыр прежние тапочки!..

Зазвонил мобильный телефон, но он даже не взглянул в его сторону, направившись к двери.

«Зашевелились... Видать, врачи “Скорой” на станцию сообщили, а те сюда звонят», – понял он, взясь с замком – в последнее время ригель выдвигался и задвигался с большим трудом, и Дмитрий все собирался заняться им. Наконец внутри замка что-то щелкнуло, и он раздраженно распахнул дверь.

На пороге застыла бригада «Скорой»: мужчина и женщина в синей униформе со светоотражающими полосами. Они выжидающе сурово смотрели на Дмитрия.

– Пять минут под дверью стоим, – недружелюбно заметил мужчина. В его руке покачивался увесистый оранжевый чемоданчик.

– А я вас полчаса жду, – парировал Дмитрий, стараясь

держат себя в руках.

– Кому нужна помощь? – вмешалась женщина, и парень посторонился, пропуская врачей в квартиру.

– Уже никому, – вырвалось у него, когда те остановились у тела бабушки.

На некоторое время врачи пришли в замешательство. Затем мужчина присел на корточки, откинул простыню, внимательно разглядывая труп. Женщина что-то спросила шепотом, но тот лишь покачал головой. Прижал ухо к груди старушки, пощупал пульс на шее, и Дмитрий, не выдержав, горько усмехнулся. Достав из кармана тоненький фонарик, врач посветил им в мутные глаза умершей, после чего решительно поднялся на ноги.

– Она только что умерла? – спросил он после паузы, и Дмитрий подумал, что это самый идиотский вопрос, который ему приходилось слышать. Даже если она умерла не только что, а час назад, это что-то изменит? Как в том дурацком анекдоте: «А больной перед смертью потел? – Да! – Это хорошо...»

– Она скончалась минут двадцать назад. Если бы вы приехали как положено, ее можно было бы спасти.

– Мы приехали, как только получили вызов, – возразила женщина, и в ее усталом голосе прозвучала обида человека, часто подвергаемого несправедливым обвинениям. – Неужели вы считаете, что мы специально ждали? Или просто катались по улицам с мигалкой?

– Лена, брось, – обронил врач, убирая фонарик в карман. – Не оправдывайся.

Дмитрий едва не задохнулся от возмущения. Не оправдываться?! Он не ослышался?!

С его губ уже была готова сорваться гневная реплика, но что-то удержало его, и он лишь с силой стиснул зубы.

Тем временем врач по телефону вызывал перевозку, называемую часто просто «труповозкой». После этого вызвал полицию, сообщив о происшедшем. Продиктовав дежурному адрес, он взглянул на Дмитрия, который дрожал, как натянутая струна. Его пальцы судорожно сжимались и разжимались, как у бойца, вот-вот готового ринуться в схватку.

– Остынь, парень, – обронил врач. – Даже если мы были бы здесь, когда с ней произошел приступ, мы не смогли бы спасти ее. Судя по всему, у твоей родственницы обширный инфаркт. Да и не молоденькая она уже, прямо скажем.

– Вы должны были приехать раньше, – тихо повторил Дмитрий.

Врачи переглянулись.

– Ладно, нам тут делать нечего, – подытожил мужчина, поднимая чемоданчик. – Приготовь паспорт своей родственницы. И будь осторожен с ритуальными агентами – они сейчас сюда слетятся, только и будешь успевать отбиваться.

– Агенты? Да... – машинально проговорил Дмитрий.

Врачи вновь обменялись взглядами.

– Может, вам укол сделать? – неуверенно предложила

женщина. – Успокаивающий. Мы все понимаем, вы...

– Уходите, – с усилием выдавил Свободин, не глядя на них.

Помедлив, медики молча вышли из квартиры, прикрыв за собой дверь.

Все сам

Несколько минут он стоял в коридоре в полной неподвижности, неотрывно глядя на мертвое тело бабушки. И с каждым ударом растревоженного сердца в нем росла горечь, разливаясь внутри ядовитым желчным озером.

«Надо было попросить, чтобы помогли перенести ее на кровать, – пронеслась запоздалая мысль. – Она здесь лежит, как старый, затертый до дыр, ненужный фартук».

А вообще, плевать на всех! Он сам отнесет свою бабулю в комнату.

Вновь проснулся внутренний голос, намекая на то, что до визита полицейского лучше оставить все как есть, но его вторая половина упорно игнорировала эти советы.

Дмитрий отволол безвольное тело бабушки к кровати и, кряхтя от натуги, перетащил на смятую постель. Вытирая взмокший лоб, он неожиданно заметил новенькие наборы красок и фломастеров, лежащих на рассохшейся от времени тумбочке. Там же лежали альбомы для рисования. Все это Маргарита Васильевна приготовила для Вики, его младшей сестры. И хотя Дмитрий пытался отговорить бабушку от лишних трат, та была непреклонна.

«Я хочу порадовать Викулю, она же очень любит рисовать, – сказала она, пряча в альбом конверт. – Ей будет приятно. Тем более девочка без троек закончила учебный

год...»

Дмитрий шагнул вперед и, взяв альбом, извлек конверт. Заглянул внутрь, увидел тысячную купюру. Сглотнул подступивший комок. Как бы тяжело ей ни было, бабушка всегда находила возможность подкинуть лишнюю денежку и Вике, и ему, даже когда он устроился на работу и обрел относительную финансовую независимость. На все его вялые возражения она неизменно отвечала:

«Вот станешь большим начальником, тогда будешь помогать мне. А пока чем могу – я тебе помогу».

Парень снова вздохнул. Только сейчас в сознании медленно, с неохотой начало вырисовываться понимание происшедшего. Бабушки больше нет. Нет, и больше никогда не будет. Никогда не будет... От этого зловещего словосочетания словно повеяло могильным холодом, и Дмитрий поежился.

Больше никогда она его не обнимет своими натруженными грубоватыми руками, не приготовит ароматных пирожков с капустой. Да, ей шел восемьдесят восьмой год, она часто жаловалась на высокое давление и сердце, и тем не менее... Лишь теперь Дмитрий понял, как много значила для него эта славная и тихая старушка.

Именно бабушка позвала внука жить к себе после его очередной крупной ссоры с отчимом. И это был самый лучший, спасительный и, пожалуй, единственный выход в сложившихся обстоятельствах – денег на съемное жилье у него не было, а продолжать жить в одних стенах с ненавистным

отчимом и матерью, которая почти никогда не проявляла к нему интереса, уже было невозможно.

Бабушка никогда не устраивала скандалов, не читала морали с поджатыми губами: «А вот в наше время...», она всегда внимательно слушала его, изредка высказывая свое мнение. Единственный недостаток – она часто ворчала, если он, уходя, забывал ей вовремя звонить, но это было вполне объяснимо – она просто волновалась, когда Дмитрия долго не было, и никогда не ложилась спать, пока тот не заявится домой.

Он стоял, слушая равнодушное тиканье часов и глухой стук собственного сердца. Внезапно у него возникло ощущение, что со смертью бабушки его собственное сердце стало меньше и слабее. Будто вместе с ее уходом безвозвратно и незаметно улетучилась часть его самого...

Вскоре раздался звонок. И полицейский, и санитары труповозки прибыли одновременно. Участковый представлял собой худощавого мужчину с хмурым лицом, лет тридцати, на котором служебный китель с лейтенантскими погонами болтался как тряпка на швабре. Казалось, он так торопился на вызов, что впопыхах облачился в чужую форму.

Мельком взглянув на тело покойной, он бросил санитарам: «Упаковывайте», а сам жестом показал Дмитрию, чтобы тот шел на кухню. Бесцеремонно расположившись за столом, участковый вынул из планшета бланк протокола и при-

нялся его заполнять.

Дмитрий встал у окна. Скрестив на груди руки, он с нескрываемой неприязнью наблюдал за полицейским. В мозгу гротескной каруселью крутилась пренебрежительно брошенная лейтенантом фраза – «упаковывайте».

Вот же подонок! Это что ему, посылка какая-нибудь?! Или они там все такие в полиции, бездушные служаки?!

– Как фамилия потерпевшей? – нарушил молчание участковый, при этом не отрываясь от писанины.

– Шлангина.

«Разве она потерпевшая? – подумал про себя Дмитрий. – Вроде ее никто не убивал. Она просто умерла!»

– Лекарства какие-нибудь принимала? – задал очередной вопрос лейтенант.

– Конечно. Ей восемьдесят семь лет, любой человек в ее возрасте принимает лекарства, – заметил парень и в доказательство своих слов указал на подоконник, где виднелись шеренги пузырьков и коробочки с таблетками.

– Это как посмотреть, – невозмутимо возразил полицейский. – Моя прабабушка, например, в деревне всю жизнь прожила, ни разу к врачу не ходила. Дожила до ста четырех лет. И лекарств не признавала. Не то, что городские...

– Она пережила ленинградскую блокаду, – глухо произнес Дмитрий.

Лейтенант даже ухом не повел, и это равнодушие подхлестнуло гнев Свободина еще больше. Он уже начинал

ненавидеть не только его, но и его сточетырехлетнюю прабабушку, которая, по сути, была вообще ни в чем не повинна.

– Твой паспорт, – сказал участковый, оторвав глаза от протокола. – И военный билет, – добавил он.

Помедлив, Свободин принес документы из комнаты, и полицейский принялся листать паспорт.

– Почему не по месту регистрации живешь? – поинтересовался он.

– Просто живу, и все, – ответил Дмитрий. – Разве запрещено жить у родной бабушки?

Участковый не удостоил его ответом, переключившись на справку из военкомата.

– Не служил? – уточнил он, и Дмитрию показалось, что в голосе лейтенанта скользнули пренебрежительно-злорадные нотки.

– Нет, – сдержанно ответил он.

Холодный взгляд бесцветных глаз полицейского остановился на запястьях Свободина, на котором белело несколько параллельных шрамов.

– Ты что, из этих, что ли? – усмехнулся он, жестом имитируя пилящие движения. – Депрессушник? Уклонист?

– Послушайте, вы пришли моей бабушкой заниматься? – не выдержал Дмитрий. – Или моей личной жизнью?!

– Я, гражданин Свободин, участковый уполномоченный полиции вашего района, – отчеканил лейтенант, и в его невыразительных глазах заискрились угрожающие огоньки. – И

в мои обязанности входит контроль соблюдения законности на вверенном мне участке.

– И что, я совершил какой-то проступок?!

Полицейский смерил его полупрезрительным взглядом, и Дмитрий неосознанно подумал, что так смотрят на помойного кота, выискивающего пропитание на мусорной куче.

– Она ваша бабушка по матери? – уточнил участковый.

– По отцу.

– А почему отец с ней не жил? Не ухаживал?

– Отец давно умер.

– Ну, тогда мать бы ваша могла... Молодой парень, а живет с бабушкой, регистрация другая, – неторопливо рассуждал лейтенант. – Квартира у бабули хорошая, двушка с балконом. Похоже, наследников, кроме вас, больше нет? То есть квартира перейдет теперь вам?

– Не знаю. Я об этом не думал.

Полицейский недоверчиво усмехнулся.

– Ну да, конечно. Я так сразу и поверил... Тут еще надо разобраться. Как-то все очень складно получается...

– В чем разобраться? – не понял Дмитрий.

– Не было ли каких-нибудь действий с вашей стороны, которые бы стали причиной... – и он кивнул в сторону работающих санитаров.

Дмитрий даже рот от изумления приоткрыл. Выстроенная участковым логическая цепочка убивала наповал своей бесцеремонной простотой.

– Вы... вы намекаете, что я... – слова давались ему с трудом, застревая в глотке как сухие корки хлеба. – Вы думаете, что я уби...

– Я ничего не думаю, – оборвал его лейтенант. – Я оперирую фактами и делаю выводы. И, как говорят в простонародье, что-то у меня не вытанцовывается танго. Вообще, лицо мне твое знакомым кажется. Ты уж не обижайся, но я сверю тебя по нашим ориентировкам.

С этими словами он, вынув из кителя смартфон, сфотографировал Дмитрия, переписал в свой блокнот данные его паспорта, после чего показал, где расписаться в протоколе.

– Возможно, еще увидимся, – сказал он напоследок.

Дмитрий внезапно подумал, что испытал бы удовольствие, ударив молотком по голове этого мерзавца в мешковатой форме. Воображение мгновенно нарисовало картину смерти полицейского, и она была настолько реалистичной, что ему сделалось не по себе. Нет, второй труп за утро в квартире его точно свел бы с ума. Дима тяжело прикрыл глаза.

Когда въедливый участковый ушел, Дмитрий вернулся в комнату. И замер – бабушки на кровати не было. Он посмотрел вниз, увидел на полу черный прямоугольный мешок с закругленным верхом.

– Лифт есть грузовой? – спросил санитар, тучный лысеющий мужчина.

Дмитрий покачал головой.

– Уже полгода не работает, – сказал он, не отрывая взора от этого жуткого мешка.

«Интересно, почему бы не сделать эти мешки белого цвета? Или хотя бы бежевого?»

– Командир, ты на девятом этаже живешь, – подал голос второй санитар, который даже во время разговора беспрестанно чавкал жевательной резинкой. – Как спускаться будем? Мы не грузчики. Я, к примеру, вообще за рулем должен сидеть, а не таскать «жмуриков».

Дмитрий заторможенно посмотрел на него.

– Я могу помочь, – неуверенно предложил он.

Пухлый фельдшер ухмыльнулся.

– Только мешать будешь. Ладно, выносим.

Они подхватили мешок и гуськом двинулись к выходу.

Свободин, словно во сне, побрел следом.

У лестницы санитары остановились.

– Командир, вообще такие вещи не бесплатно делаются, – напомнил водитель труповозки, надувая из жвачки пузырь. Почесав угреватый нос, он добавил:

– Все-таки бабуля твоя. Неужели жалко пару штук?

Дмитрий машинально похлопал себя по карманам.

– У меня всего триста рублей, – признался он. – Зарплата только в конце недели.

– А бабулина заначка? – спросил фельдшер. – Бабушки бережливые.

К голове Дмитрия прилила кровь, виски сдавило. Ему ка-

залось, что все происходящее не что иное, как кошмар. О чем они говорят?! На что намекают?! Чтобы он сейчас начал шарить по полкам в поисках бабушкиных сбережений?!

– У нас нет денег, – только и смог выдать он.

Мужчины одновременно посмотрели на темнеющие ступеньки.

– Тогда волоком потащим, командир, – предупредил водитель. – Не обессудь.

Сплюнув жвачку в лестничный пролет, он уже ухватился за край мешка, как Дмитрий вскрикнул:

– Пойдите! Нет, не надо так!

Перед глазами тут же мелькнули ужасающе дикие кадры, как тело бабушки тащат вниз, словно тюк с грязным бельем, ее голова с жутким стуком ударяется о заплеванные ступеньки, и его затошнило. Нет, он лучше сам умрет здесь, но не допустит этого!

– Что, помочь хочешь? – полюбопытствовал фельдшер. – Мы ж толкуем, тут вдвоем не развернуться... Вот если бы ты мотивировал, то...

– Я сам, – сказал Дмитрий и облизал пересохшие губы. – Только... помогите мне... положите ее на плечо.

Санитары переглянулись. Потом посмотрели на Дмитрия, и тот понял, что в их глазах он выглядит умалишенным.

– Смотри, командир, никто тебя не заставляет, – пожал плечами второй санитар. – Еще спину надорвешь!

Они помогли Дмитрию взвалить мешок на правое плечо,

и тот, согнувшись вдвое, с трудом двинулся вперед. Санитары после короткого замешательства пошли за ним, перешептываясь и хихикая.

Он плохо помнил, как вышел из подъезда. Едкий пот заливал багровое от натуги лицо и выжигал глаза, грудь ходила ходуном, сердце вот-вот было готово выскочить наружу. Как в тумане, шатающейся походкой он приблизился к белой «Газели» с эмблемой красного креста, припаркованной у подъезда.

– Ну, командир, ты даешь, – услышал он над ухом голос санитара. Похоже, в нем даже сквозило уважение.

Плывать. Теперь на все плывать.

– Давай, дальше мы сами, – раздался голос другого. – А ты, парень, ищи деньги. Никто за бесплатно хоронить твою бабулю не станет. Утилизируют, как отходы, и все.

Когда мешок с телом бабушки загрузили в труповозку, Дмитрий обессиленно сел прямо на асфальт.

Проснувшееся солнце только-только показалось из-за верхушек деревьев, плотно обступивших их дом.

Рекламные буклеты

Телефонный звонок раздался сразу, как только он вернулся в опустевшую квартиру.

«Вот они. Ритуальные агенты», – подумал Свободин, шагая на кухню, где оставил смартфон. Однако он ошибался – звонили с работы.

Борис, руководитель рабочей группы, занимающейся расширением рекламных буклетов у станций метро, был вне себя от ярости:

– Ты где?! – заорал он в трубку.

– Борис, я...

– Это уже четвертый раз, баран! – продолжал распаляться Борис. – А меня из-за тебя премии лишат! Ты уже час как должен стоять на точке!

Дмитрий прикрыл веки, прилагая огромные усилия, чтобы не сорваться и не послать куда подальше своего истеричного начальника.

– У меня умерла бабушка. Сегодня утром, – произнес он, когда Борис умолк, чтобы перевести дух.

На какое-то время в трубке повисла напряженная пауза, и Дмитрий представил, с какой физиономией его начальник переваривает эту информацию. Спустя несколько секунд тот заговорил:

– В прошлый раз ты сидел с больной сестренкой. В по-

запрошлый был еще какой-то геморрой. А теперь бабушка. Фильм «Берегись автомобиля» смотрел? «Видите ли, у Де-точкина много болезненных родственников по всему Советскому Союзу, и он их всех навещает!»

– Я говорю правду, – сдержанно произнес Свободин.

– И что мне теперь делать? – рявкнул Борис. – Царство небесное твоей бабушке! Или ты там поминки уже устраиваешь? Вызывай специальные службы и бегом на работу! Никто за тебя ее делать не будет, лентяй!

– Борис... Но ведь... – Свободин медлил, пытаясь правильно сформулировать мысль. – Когда умирает родственник, полагается отпуск на пару дней. Я слышал, так положено! И еще, могу ли я получить аванс? Сами понимаете, сейчас будут нужны деньги на похоронные расходы!

Смех Бориса напоминал хрюканье.

– Ага, щаз, – процедил он. – Бегу и тапки на ходу теряю. А обо мне кто подумает? Что у меня ипотека просрочена? Что у отца онкология? Могу продолжить! Так что заткни варежку, Свободин, и марш на точку!!

Разговор резко оборвался, и Дмитрий едва сдержался, чтобы не запустить телефон в стену.

Его распирала жгучая обида, которую быстро вытеснила яростная злоба.

– Видал я в гробу твою ипотеку! – выкрикнул он, глядя в стену с отслаивающимися обоями. – Понял, тварь?

«Борис точно так же видал в гробу твои проблемы, – хи-

хикнул внутренний голос. – Каждый сам за себя, дружок».

Размахнувшись, Дмитрий ударил кулаком в стену. Костяшки пальцев обожгло острой болью, и он выругался.

А ведь это правда.

«Нам всем плевать друг на друга. Плевать, пока проблема не коснется тебя лично», – угрюмо подумал он.

В ванной он смочил ноющие от боли пальцы ледяной водой, потом вернулся за телефоном. Нужно позвонить матери и сообщить о смерти бабушки. Дмитрий знал, что бабушка и мама не особо ладили, но он попросту не представлял, кому еще можно звонить. Других родственников бабушки он не знал, а с отчимом не общался принципиально.

Однако телефон мамы молчал. Повторный звонок через пять минут тоже не принес ничего нового.

– Ты-то куда подевалась? – проворчал Дмитрий, окончательно растерявшись.

Поразмыслив, он написал матери сообщение и засобиравшись на работу. Только в лифте Свободин вспомнил, что даже не позавтракал. Впрочем, голода он не чувствовал и сомневался, что после утренних событий в его горло полезет хоть какая-то еда.

Забрав из офиса рекламные буклеты, Дмитрий отправился на точку. На этот раз местом раздачи рекламных флаеров была станция метро «Октябрьское поле». К тому времени небо сизым покрывалом заволокли плотные тучи.

— ...только сегодня, акция, — бормотал он, протягивая рекламный листок. — ...десять процентов на все товары...

Прохожие старательно обходили Дмитрия, даже не глядя в его сторону.

— ...последняя коллекция... приготовьтесь к зиме заранее, — продолжал он заученно бубнить, — ...не упустите... самые дешевые шубы в Москве... если найдете дешевле, мы заплатим разницу...

Стройная женщина в обтягивающем платье наконец обратила внимание на Дмитрия и легким жестом выхватила буклет из его пальцев. Заинтересованно взглянула на рекламу и фыркнула, подняв глаза:

— Молодой человек, какие шубы?! Вы что рекламируете? Это ведь натяжные потолки!

Дмитрий перестал бормотать, недоуменно уставившись на прохожую. Снисходительно качнув головой, женщина демонстративно смяла рекламный листок и зацокала каблучками к подземному переходу. Смятый флаер полетел в урну, но не попал в нее, пролетев мимо.

— Натяжные потолки, — заторможенно повторил Свободин и посмотрел на буклет. Действительно. Шубы были вчера.

Он потер глаза, судорожно вздохнув. Как он ни старался, из головы не выходил посмертный образ бабушки. Ее тускнеющие глаза, сухие, заострившиеся черты лица, тонкие холодные пальцы...

Подул сильный ветер, поднимая пыль. Скомканный бук-

лет, выброшенный женщиной, покатился по асфальту, словно перекаати-поле.

– потолки... выезд замерщика... – с трудом выговорил Дмитрий. Навстречу шли две юные девочки-подростки, о чем-то оживленно болтая, и он шагнул им навстречу, держа перед собой флаер. Девочки замерли в нерешительности и, мельком глянув в бледное, напряженное лицо молодого человека, проворно шмыгнули мимо.

Дмитрий горько усмехнулся.

«От тебя все шарахаются, – шепнул внутренний голос. – Ты хоть в зеркало глянул, когда на улицу выходил? Ты похож на привидение!»

Дмитрий заставил себя улыбнуться (первое правило раздатчика рекламы), про себя догадываясь, что гримаса на его лице мало что имеет общего с улыбкой и, скорее, еще больше оттолкнет от него потенциальных клиентов.

Кто-то сильно толкнул его в плечо, и он раздраженно обернулся. Мимо не спеша прошествовал приземистый мужчина в бейсболке, мускулистые руки которого были покрыты цветными татуировками.

– Поосторожней, – сделал он замечание, а прохожий бросил, не оборачиваясь:

– Иди на хрен, лузер.

В мозгу что-то резко щелкнуло, и на одно мгновенье Дмитрий представил, как бы выглядел этот накачанный хам с дулом пистолета у виска. Наверное, он уже не был бы таким

самоуверенным и наглым. Одно движение пальцем, приводящее в действие спусковой механизм, и содержимое черепа этого разрисованного придурка вылетело бы наружу. Вместе с кепкой.

И опять. Образ расправы над мужчиной, который в настоящий момент направлялся к автобусной остановке и ни о чем таком не подозревал, был таким ярким и четким, что Дмитрий даже зажмурился, стараясь вытеснить его из сознания.

Когда он наконец разлепил веки, стал накрапывать дождик. С унылым видом Свободин посмотрел на стопку флаеров в руке. За полчаса он смог всучить всего один, который тут же выбросили, и его в неизвестном направлении унес ветер.

– И это называется работа? – вслух проговорил он, разложив листки веером, словно картежник карты. Они тут же покрылись крошечными капельками дождя. – Дерьмо все это.

Он напрягся, услышав, как завибрировал в кармане мобильник. Высветившийся на экране номер был ему не знаком. Выждав паузу, Дмитрий все же нажал на прием вызова.

– Алло? – бесцветно спросил он.

– Здравствуйте, Дмитрий, – бодро заговорил незнакомый голос. – Меня зовут Илья, я менеджер агентства «Ритуал-сервис». Примите мои искренние соболезнования по поводу кончины вашей родственницы...

– Это моя бабушка, – тихо сказал Дмитрий. – Она меня

очень любила.

Дождь усиливался, но он продолжал стоять на месте, словно вкопанный в землю столб.

— ...наша компания давно и хорошо зарекомендовала себя на рынке ритуальных услуг, — продолжал тараторить агент, будто и не слыша Дмитрия. — Наш прејскурант значительно ниже, чем у других организаций в этой сфере... я подъеду в течение ближайшего часа...

— Я сейчас не дома, — остановил этот словесный поток Свободин. — И... — он замялся, словно смутившись слов, которые намеревался произнести. — У нас пока нет денег на похороны.

Какое-то время в трубке молчали, потом менеджер «Ритуал-сервис» вновь подал голос:

— Давайте я подъеду, и мы все обговорим на месте. Мы взаимодействуем с рядом известных банков, которые быстро и без проволочек выдают кредиты. Уверен, как только вы увидите наш прејскурант...

— Я сам позвоню вам, — перебил его Дмитрий и сбросил звонок навязчивого агента.

Рекламные буклеты уже окончательно намокли, быстро разбухнув от влаги, и он, шагнув к урне, брезгливо швырнул туда всю пачку.

Телефон снова зазвонил, но Свободин даже не стал отвечать.

Зайдя в вестибюль подземного перехода, он направился к

турникетам метро.

Свой чужак

Спустя час Дмитрий нерешительно топтался у подъезда дома, который еще недавно считал своим. До тех самых пор, пока непримиримые и принципиальные разногласия с отчимом не вынудили его переселиться к бабушке.

Он еще раз набрал мать, но ее телефон продолжал хранить упорное молчание, и это становилось невыносимым. Почему именно сейчас, когда она так нужна, до нее нельзя дозвониться?!

Попробовать подняться наверх? Но в квартире мог быть Михаил Викторович, которого Дмитрий на дух не переносил (впрочем, это было взаимное чувство), и парень все же не оставлял надежды выйти на связь с матерью.

«Вика», – неожиданно сверкнуло в голове.

Точно, ведь у него есть номер сестры! Уж она точно сможет прояснить ситуацию!

Дмитрий тут же набрал Вику. Она ответила сразу же после первого гудка, пояснив, что гуляет на улице, и пообещала подойти через несколько минут.

Пока он разговаривал с сестрой, ему вновь кто-то пытался дозвониться, но Дмитрий не стал перезванивать.

«Очередной похоронный агент», – решил он.

Наконец за припаркованными машинами мелькнула светловолосая головка с жидким хвостиком, и Дмитрий встре-

пенулся. Наконец-то!

К подъезду на самокате подкатила худенькая девочка десяти лет в голубом сарафане.

– Привет, Дима! – улыбнулась она, блеснув белыми зубами. – А дома никого нет!

– Привет. Поэтому я сюда пришел. Где мама? – сразу перешел к делу Дмитрий.

Вика слезла с самоката.

– Она вчера к тете Лиде уехала. В этот, как его...

– В Зеленоград? – подсказал Свободин.

Девочка оживленно кивнула, махнув пшеничным хвостиком.

– Все время забываю, – призналась она. – Да, Зеленоград.

– А что случилось?

– Тетя Лида ногу сломала. Ну, и мама с работы отпросилась, к ней поехала помогать, – сообщила Вика.

Дмитрий помолчал, осмысливая услышанное. Тетя Лида была старшей сестрой матери, жила одна, постоянно болела и при каждом удобном случае намекала родне, что ей не уделяют должного внимания. Может, там и не было никакого перелома, просто очередное обострение из серии «я никому не нужна».

– А где этот? – спросил Дмитрий, многозначительно указав пальцем вверх. Вика поняла его с полуслова.

– Дядя Миша на работе.

Она нетерпеливо поглядывала в сторону, где стайкой со-

бралась дворовая ребятня. Наконец Дмитрий решился. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно беспечней, он спросил:

– Вика, у тебя же есть ключ? Дай мне его ненадолго.

Девочка с готовностью кивнула, но в следующую секунду в ее глазах мелькнула неуверенность.

– Дима, а дядя Миша мне запретил тебе ключи давать...

«Вот гадина», – пронеслась у парня мысль, но он неприужденно улыбнулся:

– Да я знаю, что не разрешает. Он меня терпеть не может. Но я ведь твой брат, правильно?

– Правильно.

– И мы любим друг друга. Мне нужно всего на десять минут кое-что забрать из своих вещей. А дяде Мише мы ничего не скажем, хорошо? Ты ведь не выдашь меня?

Подумав, Вика кивнула.

– Не скажу, – пообещала она и, вытащив из кармана ключ, передала его брату. – Дима... – она на мгновение замялась в нерешительности, – а ты к нам вернешься?

Свободин, уже намереваясь зайти в подъезд, замер. Он не ожидал этого прямолинейного вопроса от сестры.

– А ты этого хочешь? – тихо спросил он.

– Я – да, – ответила она, и ее распахнутые глаза не оставляли сомнения в искренности.

– Ты – понятно, – усмехнулся Дмитрий, крутя пальцами прицепленный к ключу брелок в виде замусоленного рези-

нового медвежонка. – А мама?

– Мама тоже, наверное.

«Наверное, – мысленно повторил за сестрой Свободин. – Неудивительно».

– А про дядю Мишу я даже не спрашиваю, – продолжал Дмитрий. – Он что-нибудь говорил обо мне?

Вика потупила взгляд, делая вид, что больше всего в настоящий момент ее интересуют собственные кроссовки, не блиставшие чистотой.

– Ну, говори, – подбодрил Свободин сестру.

Девочка вздохнула.

– Он сказал, что ты козел, – вполголоса произнесла она, глядя в сторону. – И... неудачник.

«Что ж, по крайней мере, это честно», – хихикнул внутренний голос.

Дмитрий с трудом заставил себя улыбнуться.

– Он просто сам очень неумный человек, этот дядя Миша. Ты понимаешь?

– Ага.

– Кстати, а ты почему не в школе?

– А нас раньше отпустили, все равно скоро каникулы, – объяснила Вика.

– Ладно, беги. А твои ключи я скоро обратно вынесу.

Вику словно ветром сдуло. Дима открыл массивную дверь подъезда и вошел внутрь.

«Куда и зачем ты поперся? – неожиданно заинтересовался все тот же ехидный голос. – За деньгами на похороны бабули? Ты хоть подумал о том, что будет потом, когда ты их найдешь и заберешь из дома?!»

В ожидании лифта Дмитрий нервно крутил в руках ключ. Доля справедливости в этом была, никто не погладит его по голове, если он возьмет чужие деньги.

«Ты их, по сути, украдешь», – продолжал вещать голос, и Дмитрий не выдержал:

– Заткнись! Я иду к себе домой! Я открою эту хренову дверь и войду в свою квартиру! И я сам разберусь, как мне поступать!

Последняя фраза была едва ли не криком, и в этот самый момент двери лифта бесшумно открылись. Стоящий на лестничной площадке подросток с рыжей корги на поводке изумленно уставился на него. Дмитрий торопливо вышел из лифта, и паренек в испуге отпрянул.

«Все будет хорошо, – стучало у него в голове. – Я предупрежу маму. Ведь когда-нибудь она возьмет трубку? В крайнем случае, напишу ей сообщение о том, что взял у них денег взаймы. Она поймет».

Он тяжело ввалился в квартиру и, прислонившись к стенке, устало прикрыл веки. Лишь через пару минут, взяв себя в руки, Дмитрий приступил к поискам.

Вскоре его ждало очередное болезненное разочарование – денег в квартире не было. Во всяком случае, он их не об-

наружил, тщательно исследуя все возможные места, где они могли бы храниться.

«А что ты хотел? – осторожно полюбопытствовал голос. – Нормальные люди давно перестали хранить деньги дома. Все сбережения сейчас в банке, на картах...»

Дмитрий прерывисто вздохнул. И с этим тоже трудно поспорить... И тем не менее он продолжил поиски.

Заглянув в свою комнату, Дмитрий не смог сдержать грустной усмешки – он едва узнал ее. С тех пор как он съехал отсюда, в комнате сделали ремонт, после чего поменяли мебель. Теперь она больше напоминала гостевой номер в отеле, нежели его уютную комнатку, где он провел свое детство и юность...

Свободин вернулся в холл, открыв шкаф-купе. В глаза тут же бросился высоченный стальной сейф, вмонтированный в стену.

«Отчим увлекался охотой, – вспомнил он, разглядывая большой прямоугольный ящик. – Там внутри оружие. Но... а вдруг? Сейф на то и сейф, чтобы хранить в нем ценности!»

С этими мыслями Дмитрий вернулся в гостиную, возобновив обыск. Наконец в одном из ящиков комода, среди документов, он обнаружил жестяную коробочку из-под пневматических пуль, перетянутую канцелярской резинкой. Внутри что-то гремело, и он, сорвав резинку, открыл коробочку. Наружу выпало два крошечных ключа.

Окрыленный надеждой, Дмитрий кинулся обратно к сей-

фу.

Ключ подошел. Но на этом его везение закончилось – внутри стального ящика были лишь два ружья и коробки с патронами. Никаких денег там не было и в помине, и Дмитрий, оглушенный неудачей, сел прямо на пол. Черные стволы матово поблескивали, то и дело притягивая его унылый взор.

Резко и пронзительно зазвонил его телефон, и он дернулся от неожиданности, разозлившись сам на себя из-за столь неадекватной реакции. Вытащив сотовый из кармана, Дмитрий с облегчением выдохнул – звонила мама.

Торопясь и пытаясь не упустить из виду важное, он рассказал ей о смерти бабушки. Когда Свободин закончил, мама некоторое время молчала, и ему даже показалось, что связь давно пропала и все его слова улетели в пустоту, но тут она подала голос:

– Это ужасно, Дима. Но ты ведь сказал, что бабушку уже увезли в морг. Верно?

– Верно.

– Значит, основное дело сделано. Не волнуйся.

– То есть как это, «не волнуйся»? – не понял Дмитрий. – Бабушка умерла! И, по-моему, все только начинается!

– Сынок, послушай...

– Вы никогда ее не любили! А сейчас все сразу так свалилось! Надо решать вопрос с похоронами! Получить документы о смерти и еще много чего! Ты как-то говорила, что

на кладбище было даже свободное место...

– Дима, мне сейчас совершенно некогда этим заниматься, – прервала его мама. – У моей сестры двойной перелом, сегодня я нужна здесь. Приеду вечером и поговорим.

– Мне звонят агенты из ритуальных служб, – начал закипать Дмитрий. – Нужно что-то делать! Я готов заняться похоронами, но мне нужны деньги!

– Неужели бабушка ничего не накопила?

У него потемнело в глазах.

– О чем ты говоришь, мама? – хрипло спросил Дмитрий. – Какие накопления? Ее пенсии едва хватало на коммунальные услуги и еду! Вон, на последние копейки купила Вике фломастеры!

– Дима, я тебя плохо слышу.

– Я говорю, что нет у бабушки никаких сбережений! – завопил он, окончательно выходя из себя.

– Не кричи, я тебя слышу, – с присущим ей хладнокровием отозвалась мама. – Послушай, надо обратиться в собес. Там должны рассказать, как все делать. У них есть специалисты, которые дадут тебе подробную инструкцию, как и что делать. Кстати, похоронить человека можно за государственный счет. Конечно, все будет очень скромно, но когда других вариантов нет...

– Я вам все верну, – сквозь зубы проговорил Дмитрий. – Одолжи мне хоть пятьдесят тысяч. Я знаю, что у вас есть деньги.

– Деньгами в нашей семье занимается Михаил Викторович. Но, боюсь, в этой ситуации это не вариант. Хотя...

– Что «хотя»?!

Перед глазами вновь начало все расплываться, и на несколько секунд он вообще их закрыл.

– Я позвоню ему, – смягчилась мама. – Так и быть. Только тебе придется прийти к нему лично. Заодно извинишься за свое поведение. В ту последнюю встречу ты вел себя отвратительно.

– Пусть он просто переведет деньги на карту, – высказал предложение Дмитрий, но мама была непробиваема, как скала.

– Вы должны помириться. Я звоню Михаилу и прошу тебе помочь в твоём вопросе, а ты идешь с ним на контакт. Вы должны с ним помириться. Таково мое условие.

«В твоём вопросе», – эхом прозвучали в сознании слова матери.

«Значит, смерть моей бабушки – всего лишь мой вопрос? Который касается исключительно меня?!»

Свободин медленно поднялся на ноги.

– Хорошо, – приглушенным голосом отозвался он. – Я пойду к нему на поклон. Ради памяти моей бабушки. Он нарочито сделал ударение на слове «МОЕЙ». Раз это «его вопрос», тогда и бабушка только его!

– Вот и замечательно, – обрадовалась мама, не замечая его акцентов и раздражения. – Я считаю, что это ненормальная

ситуация, когда...

Но закончить, что, по ее мнению, являлось ненормальной ситуацией, мама не успела, так как Дмитрий уже нажал на сброс.

Теперь его путь лежал к отчиму. Человеку, которого он не выносил всем своим естеством, и если бы не чрезвычайные обстоятельства, он лучше бы сунулся в змеиное гнездо, нежели отправился бы в гости к Михаилу Викторовичу.

Предстоящая лекция

Он привычным движением пробежался пальцами по панели управления, задавая режим беговой дорожке, и на экране вспыхнули нужные цифры. Мерно заработал электромотор, приводя в действие беговое полотно, и мужчина мягко шагнул на него, постепенно ускоряя шаг. Пять минут ходьбы, переходящей в бег, затем максимальное ускорение, и снова размеренный шаг.

Он взял пульт, лежащий на панели управления, и включил прикрепленный к стене плоский телевизор. На широченном экране мгновенно замерцала картинка идущих в школу рядных детей с цветами.

– «...как заявил министр просвещения, в этом году более сорока тысяч школ страны выпускают своих подопечных... сегодня, двадцать пятого мая, для многих ребят, стоящих на пороге новой жизни, прозвучит последний звонок...» – радостно щебетал голос дикторши.

«...конечно, мы все волнуемся... я планирую поступать в институт имени Баумана, – выпускник, произнесший эти слова, слегка смущенный вниманием прессы, тут же добавил: – Но я много занимался и уверен в своих силах...»

Цифра скорости на мониторе медленно поползла вверх, и мужчина перешел на бег, через какое-то время увеличив угол наклона полотна. Сегментированные подошвы кроссо-

вок из мягкой резины ритмично отталкивались от скользящей ленты беговой дорожки. На лбу бегуна появилась легкая испарина.

«...почти семьсот тысяч школьников оканчивают одиннадцатый класс и более миллиона – девятый... Это выпускники, для которых сегодня прозвучит последний звонок...» – продолжала свой комментарий репортер.

Вскоре на экране замелькали кадры очередной рекламы, и мужчина убавил звук.

В тот же миг зазвонил смартфон, на время тренировки помещенный в спортивный чехол, прикрепленный на предплечье бегуна.

Он немного снизил скорость и достал сотовый.

– Слушаю вас!

– Артемий Андреевич? – послышался в трубке женский голос. – Это Карина Романовна, директор 125-й школы.

– Добрый день, Карина Романовна.

– Простите, вам удобно говорить?

– Да, все нормально.

Артем снизил скорость дорожки, приводя в норму дыхание.

– Как вы помните, наше сегодняшнее мероприятие запланировано на два часа, – сказала директриса.

– Да, разумеется. Два урока с выпускными классами, которые посвящены закону и праву.

– Все верно, я просто хотела внести маленькое уточнение.

Так получилось, что о вашем визите узнали очень многие в нашей школе. И родители выпускников тоже очень пожелали попасть на вашу лекцию.

– Никаких проблем.

– В общем, все это торжественное мероприятие мы решили провести в актовом зале, – сказала она. – И вы сэкономите время, и для нашей школы это получится как дополнительный праздник!

– Буду рад оказаться полезным, – улыбнулся адвокат.

– Большое спасибо, что согласились! – обрадовалась Карина Романовна, явно не верившая в такую удачу. – Если честно, я до последнего боялась, что все мероприятие может сорваться... И нам очень приятно, что вы держите свое слово!

– Тогда без пятнадцати два я буду у вас, – пообещал Павлов.

– Будем ждать с нетерпением!

Закончив разговор, он убрал телефон и, отрегулировав скорость тренажера, возобновил бег. Тренировка в любом случае должна быть закончена.

Отчим

Дмитрий уже не помнил, в какой именно момент в их семье появился Михаил Викторович. По крайней мере, это произошло не сразу после смерти отца. Впрочем, и об отце у Дмитрия остались весьма смутные воспоминания.

Отец постоянно пропадал на работе (он трудился инженером по обслуживанию грузоподъемных механизмов), а вечерами чертил какие-то схемы и графики, мало интересуясь жизнью Дмитрия. Может, раз в пару месяцев он водил его в кино или просто гулять, когда Дима был еще маленьким, и мальчугану уже тогда казалось, что папа испытывал какое-то странное стеснение от подобных мероприятий и с удовольствием засел бы за свои чертежи, вместо того чтобы проводить время с сыном. При этом отец был тихим, спокойным и, к слову, совершенно безотказным, что, в конечном счете, сыграло трагическую роль.

Однажды отца срочно вызвали подменить отсутствующего специалиста, и ему пришлось лезть в лифтовую шахту чтобы устранить какую-то неполадку. Так случилось, что лифт неожиданно начал движение, и отца раздавило.

На похоронах Дима молча смотрел на закрытый гроб, и глаза его были сухие. К тому времени ему уже исполнилось десять, и он отлично знал, что на погребальных процессиях почти всегда плачут, но ему вовсе не хотелось плакать, отче-

го он чувствовал некое смущение и даже тревогу. Может, с ним что-то не в порядке?! В сущности, папа был хорошим человеком и никогда не обижал ни его, ни, тем более, Вику, которой вообще на момент трагедии исполнилось всего полтора года. Но никакой утраты Дмитрий не ощущал.

Не ощущал, и все, хоть ты тресни.

Мама тоже на удивление быстро взяла себя в руки, и однажды, в один из самых обычных дней, на пороге их дома появился Михаил Викторович. Шумный, самоуверенный, решительный, бескомпромиссный. И буквально с первой встречи он не упускал возможности продемонстрировать свое превосходство по сравнению с отцом по всем фронтам, что, нужно отдать должное, ему удалось.

Отец был молчалив и больше слушал, Михаил Викторович любил находиться в центре внимания, он разговаривал без умолку, то и дело вставляя остроумные шуточки и анекдоты. Отец, хоть и считался технарем по профессии, практически был бесполезным в решении бытовых проблем вроде подтекающего крана или перегоревшей розетки. Михаил Викторович же был, что называется, спецом широкого профиля и легко мог починить любую мелочь в доме. Как-то между делом он даже отметил, что занимался дизайном квартир. С первых дней своего появления он затеял в их доме глобальный ремонт, параллельно начав приводить в порядок дачу.

Но все это делалось с неким косвенным подтекстом – мол,

«видали, каков я? Что бы вы делали без меня?!» Вообще, Михаил Викторович обожал, когда к нему шли с просьбой. Оказывал помощь он не сразу, заставляя обратившегося к нему некоторое время терзаться переживаниями – а вдруг не выгорит? И решалось все в итоге со снисходительным покровительством и завуалированным намеком «будет время – отработаете».

Даже внешне отчим давал несколько очков форы покойному папе. Отец начал рано лысеть, носил очки, был худощавым, с узкими плечами и нескладной фигурой. В противовес ему Михаил Викторович своей внешностью напоминал работягу с лесоповала – крепкий, широкоплечий, с крупными мускулистыми руками, загорелый, с густым ежиком седеющих волос. Если уж копать глубже, то отчим превзошел отца даже по фамилии. Фамилия вообще была для Дмитрия одной из самых болезненных тем, она словно красной нитью проходила через всю его жизнь, чуть ли не с того момента, как он себя помнил.

Он носил фамилию отца – Шлангин.

Что могло быть хуже для парня?! Он ненавидел собственную фамилию всей душой.

«Шланг, шланг!» – смеясь, дразнили его в детском саду.

«Шланг, завяжись узлом!» – кривлялись дети во дворе.

Он надеялся, что в школе обидное прозвище останется в прошлом, но ничего подобного, шутки не исчезли, они стали даже еще злее.

«Шланг, а как у вас принято: сосать, качать или брызгать?»

К слову, у отчима была фамилия Кротов. Тоже не дворянская, но уж куда лучше, нежели «шланг».

За спиной отчима уже был один брак, разведенная жена со взрослой дочерью остались в Белоруссии, куда Михаил Викторович регулярно высылал деньги.

С появлением «нового папы» в доме, как того и следовало ожидать, появились новые порядки и правила, и Дмитрию многие из них пришлись не по вкусу. Ни о каких компромиссах речи вообще не шло – отчим требовал беспрекословного подчинения. В их доме царила армейская установка: «В любой ситуации существует два мнения – мнение Михаила Викторовича и неправильное». За каждую провинность неотвратимо следовало наказание. Отчим цеплялся к Дмитрию по поводу и без повода, и переубедить его в том, что он допускает ошибку, было невозможно в принципе.

Однажды рядом с входной дверью их квартиры появилась корявая надпись – «Шланг – лох». Дмитрий мельком глянул на нее, тут же забыв. Такие мелочи уже не особенно задевали его. Когда тебя постоянно колют булавкой, рано или поздно ты свыкаешься с этим, не придавая этому значения. Конечно, когда острое не проникнет особенно глубоко, усиливая боль.

Возвращаясь после работы, Михаил Викторович, естественно, заметил оскорбительную надпись. Он не спеша пе-

реоделся в домашний спортивный костюм, после чего позвал Дмитрия и заставил его стереть «это дерьмо». Робкие возражения парня, что, мол, почему результаты данного «творчества» должен устранять именно он, не возымели действия, отчим был непоколебим.

Дмитрий вооружился наждачной бумагой (послание было выковыряно гвоздем или иным острым предметом) и со вздохом принялся за работу. Пока он пыхтел, зачищая неуклюже выведенные буквы, Михаил Викторович курил прямо там же, на лестничной клетке.

«А знаешь, почему так все происходит?» – вдруг спросил он.

«Что?» – меланхолично отозвался Дмитрий, орудуя наждаком.

«Не включай дурака! – резко сказал тот. – Нормального пацана никогда не обозвали бы Шлангом. Потому что нормальный пацан не даст себя в обиду».

Дмитрий продолжал молча работать. Все его руки были в зеленой пыли от стертой краски, но царапины на стене еще виднелись.

«Когда я пошел в первый класс, то по росту был самым маленьким, – сообщил отчим, выпуская изо рта кольцо дыма. – И какой-то жирный придурок, услышав мою фамилию, назвал меня Кротом. Я это помню как сейчас».

Дмитрий без особого интереса посмотрел на мужчину, который вальяжно прислонился к дверному косяку, зажав си-

гарету между указательным и средним пальцами.

«А я как раз недавно книжку про кротов с отцом читал. И знал, что кроты, кроме прочего, питаются червями. И тогда я сказал этому жирдяю: «Если я Крот, то ты Червяк. И сейчас я тебя сожру». А потом я укусил его за руку. Он завизжал, как ошпаренный. Вот так. Меня отругали перед всем классом, но больше никто и никогда не посмел меня как-то обозвать. Понял?»

Дмитрий кивнул. Отстранившись, он придирчиво разглядывал грязно-зеленое пятно на месте надписи.

«Сойдет, – снисходительно заметил отчим. – Иди, вымой руки. И больше не позволяй этой гадости появляться на стенах»...

...Мать, всегда чувствовавшая себя хозяйкой дома, вдруг как-то незаметно ушла в тень. Сделалась серой мышкой, молчаливой и покорной, во всяком случае, при общении с новоявленным мужем. Теперь в доме все решал Михаил Викторович.

Глухая неприязнь между ним и Дмитрием росла, со временем превратившись в ледяную стену взаимной ненависти. Или, вернее сказать, в ядовитый нарыв, громадный и трясущийся, как желе.

Этот уродливый пузырь лопнул в день рождения отчима, когда тот, изрядно «приняв на грудь» у себя на автомойке с друзьями, домой уже явился пьяным. Конфликт возник бук-

важно на ровном месте. Михаил Викторович сделал резкое замечание Дмитрию, почему он не помогает матери; парень огрызнулся, что это Кротова не касается. Отчим едко заметил, что от Дмитрия глупо что-то ожидать, учитывая его фамилию и происхождение в целом. Мол, «от осинки не родятся апельсинки». А когда парень, вспыхнув, бросил, что отчиму следовало бы проявлять хоть какое-то уважение к его умершему отцу, Михаил Викторович послал Дмитрия по матери. Тот не остался в долгу, за что Кротов, окончательно выйдя из себя, вlepил пасынку оплеуху.

Они были на кухне. Потирая покрасневшую щеку, Дмитрий посмотрел на кастрюлю с запеченной свининой, в которой находилась вилка для мяса. Рука сама потянулась к вилке, и в глазах отчима мелькнуло что-то отдаленно похожее на изумление. Не страх, нет. Всего лишь изумление, вроде: «Как так?! Эта козявка посмела даже подумать об *этом*?!»

Обстановку разрядила Вика, случайно заглянувшая на кухню.

Дмитрий не остался на празднование. Вместо этого он продал в ломбарде золотую цепочку, а вырученные деньги утром следующего дня швырнул в лицо Кротову. Эти деньги были личным вкладом Михаила Викторовича в новый смартфон Дмитрия, и отчим при каждом удобном случае напоминал об этом парню.

С тех пор Дмитрий жил у бабушки. С отчимом он не общался и преспокойно не общался бы еще сто лет, если бы

сегодня не произошло страшное с бабушкой.

Лишь огромным усилием воли, после мучительной внутренней борьбы с самим собой он сломался и был готов пойти к отчиму на поклон. Потому что это был последний способ раздобыть деньги на похороны.

Часы из малахита

Дмитрий застал Михаила Викторовича прямо у въезда в моечный бокс – он внимательно рассматривал новенький компрессор, только что выгруженный из припаркованной рядом «Газели». Экспедитор терпеливо стоял рядом, держа в руках документы. Когда наконец все формальности были улажены и компрессор укатил в глубь бокса, Дмитрий, набравшись храбрости, шагнул вперед. Он уже хотел открыть рот, чтобы поздороваться, как отчим внезапно обернулся.

– Какими судьбами? – сухо поинтересовался он. Свои руки Михаил Викторович демонстративно сунул в карманы светлых хлопчатобумажных брюк.

«Мог бы этого и не делать, – мелькнула у Дмитрия мысль. – Я тоже не горю желанием жать твою руку».

– Здравствуйте, – выдавил он. – Вам... звонила мама?

Кротов смерил его пронзительным взглядом, и Дмитрий призвал все свое самообладание, чтобы держаться спокойно. Вид у Михаила Викторовича был такой, словно перед ним ползла полудохлая крыса, выбравшаяся из канализационного стока – грязная и гадкая, источавшая непереносимую вонь.

– Идем, – коротко бросил он, зашагав в сторону подсобного помещения, где у него был оборудован крошечный кабинет.

– Чаю не предлагаю, – предупредил Михаил Викторович, усаживаясь в кресло. – Надеюсь, ты не обидишься.

Дмитрий покачал головой. Единственный стул в помещении был завален коробками с канцелярскими товарами, и он остался стоять, отчего почувствовал себя униженно. Прямой отказ в чае (в котором, признаться, Свободин и не нуждался) лишь добавил масла в огонь.

«Скорее бы дал денег, и я свалю отсюда», – гулко стучало в мозгу.

Некоторое время они просто молча разглядывали друг друга, затем отчим нарушил паузу:

– Да, мама звонила. Сказала, у тебя какие-то проблемы и нужны деньги.

– Бабушка умерла, – глухо произнес Дмитрий.

На гладко выбритом лице Михаила Викторовича не дрогнул ни один мускул.

– Что ж, земля пухом, – обронил он, словно речь шла о погоде. – Я тут при чем?

– На похороны... нужны деньги.

Слова давались Дмитрию тяжело, он словно выплевывал толченное стекло, которым была забита его глотка.

– Но это ведь *твоя* бабушка, – напомнил Кротов, как будто этот факт мог быть оспорен или подвергнут сомнению. – Это твои проблемы, парень. Сначала ты хватаешься за вилку, швыряешь мне в лицо деньги, а теперь приходишь их просить! Где последовательность в действиях? Или ты вооб-

ще себя не уважаешь?

Дмитрий стиснул зубы, его лицо пошло красными пятнами.

– Если ты решил проявить принципиальность, зачем пришел? – прямо спросил Михаил Викторович. – Значит, когда тебя припрет, ты готов унижаться?

– Я верну вам деньги... Мне нужно в долг тысяч пятьдесят...

– Ты ушел из дома, – продолжал отчим, будто не слыша пасынка. – Хлопнул дверью, послал меня на три буквы. Жил у бабушки, и, судя по всему, хорошо жил. Теперь она умерла, и ее надо хоронить. Чьи это проблемы? Твои, парень. Не мои.

– Вы дадите денег?

– Я деловой человек и не разбрасываюсь ими, – счел своим долгом напомнить Кротов. – Отдать их тебе означало бы выкинуть их в мусорку. Знаешь почему? Я не даю в долг неудачникам. Именно им ты и являешься, парень. Никто, кроме меня, тебе правду не скажет.

Пальцы Дмитрия сжались в кулаки, но отчим не обратил на это внимания. Или сделал вид, что не заметил.

– У меня твердое правило. Можно сказать, даже девиз, который звучит так: «Никто, кроме тебя», – вещал он, откинувшись на кресле. – Я начал работать в двенадцать лет и знаю цену хлебу. В четырнадцать я помогал отцу в автосервисе, а летом мы с ним строили бани. А ты в эти годы из «ютьюба» не вылезал, ролики всякие дурацкие лайкал. И все

потому, что ты по жизни бестолковый лентяй, у тебя нет цели в жизни. И все об этом знают. Понимаешь, в этой жизни или ты, или тебя. Чувствуешь разницу? Надо уметь крутиться, уметь подавлять людей, делать бабки, а ты слюни пускал и уроки зубрил. Мало тебя в школе мутузили. Крепче бы били, может, человеком стал бы. Научился бы бабло поднимать... А так...

Он вздохнул и закончил:

– Шлангом был, шлангом и остался. И смена фамилии тут не поможет. Говно даже в золотом горшке останется говном. Так что разговор закончен, свободен. Как говорится, Свободин свободен.

Довольный собственной шуткой, Михаил Викторович засмеялся.

В глазах Дмитрия потемнело, он слегка пошатнулся.

– Я... не шланг, – с трудом выдавил Дмитрий.

Михаил Викторович со скучающим видом смотрел на па-сынка.

– Я уже все сказал. Уходи.

Взор молодого человека уперся в сувенирные часы из ма-лахита, стоявшие рядом с монитором.

«Шланг... говно».

Мерзкие оскорбительные слова сверлили череп, вызывая иступленную ярость, которая горячей волной поднималась откуда-то из самых потаенных глубин.

– Я не шланг! – крикнул он, брызгая слюной. Пальцы об-

хватали массивные часы, гибкое тело Дмитрия легко перегнулось через стол, нависая над отчимом.

Кротов осознал грозящую опасность слишком поздно. Первый удар он попытался блокировать рукой, и по иронии судьбы тяжеленные сувенирные часы попали в наручные часы отчима, приобретенные им неделю назад за тридцать две тысячи рублей. Стекло циферблата разлетелось льдистыми брызгами.

С губ Михаила Викторовича сорвался вздох недоумения, но в следующее мгновение он прервался – острый угол тяжелого малахита вонзился ему прямо в лоб. Потом в переносицу. Потом в висок. Брызги крови оросили потрепанную карту Москвы, приклеенную скотчем к стене.

Судорожно дергаясь, Кротов сполз с кресла, хрипя и кашляя, но Дмитрий и не думал останавливаться. Рука с сувенирными часами вздымалась и опускалась, как топор палача. И с каждым взмахом звуки, издаваемые отчимом, становились тише, пока не прекратились совсем.

Встреча одноклассников

Невыносимый свистящий шум в голове постепенно стихал, контуры предметов перестали дрожать и выравнивались, багровая завеса перед глазами быстро светлела, пока вовсе не испарилась. Клокочущие звуки в глотке прекратились, и теперь Дмитрий потрясенно смотрел на безжизненное тело отчима, скорчившееся у стены в позе эмбриона. Левая рука, будто в последней тщетной попытке защититься от страшных ударов, застыла на изуродованной, залитой кровью голове.

– Ми... Михаил Викторович? – прошептал Дмитрий.

Кротов не шелохнулся. В его широко раскрытых глазах застыло неподдельное изумление. Казалось, владелец автомайки ждал от своего строптивого пасынка всего что угодно, но не этого...

Желудок внезапно подпрыгнул куда-то вверх, и Дмитрия стошнило.

«Ты убил его», – проговорил внутренний голос, и молодому человеку показалось, что в нем прозвучали нотки уважения, к которому примешивался неприкрытый страх.

– Да, – сдавленно произнес он, вытирая рукавом губы. – Я...

Он смахнул со стула заляпанные желчью коробки и тяжело сел, стараясь не смотреть на торчащие из-под стола ноги

отчима, обутые в летние туфли из натуральной кожи.

– Этот ублюдок давно заслуживал этого, – сказал Дмитрий вслух. – Я... просто сделал то, что давно нужно было сделать. Он не имел права меня оскорблять.

Голос, с некоторых пор поселившийся в его голове, молчал. Похоже, его второе «я» все еще никак не могло отойти от шока после случившегося.

«А вдруг он не умер? – неожиданно подумал Свободин. – Такое случается сплошь и рядом... в морг привозили тело, а оно вдруг оживало!»

«Проверь пульс, – посоветовал голос. – Опыт у тебя в этом уже есть, дружище».

Дмитрий уже хотел огрызнуться, но смолчал. Резон в этой идее определенно был. Но вместе с тем он отдавал себе отчет, что ни одна сила не заставит его вновь прикоснуться к отчиму.

«Даже если он еще жив, его уже невозможно спасти», – решил он. Мельком взглянул на карту Москвы, забрызганную кровью, и его передернуло.

Нет, Кротов мертв.

В какой-то момент Дмитрий испытал очередную вспышку ярости.

Вот тварь! Все из-за него!

«Шланг... Мало тебя в школе мутузили...»

Эти ненавистные слова материализовались в памяти, как отголоски ночных кошмаров, о которых никому не хочется

рассказывать, и единственное желание – забыть о них навсегда. Будто со дна чистого прозрачного пруда внезапно на поверхность всплыл мутный пузырь и, лопнув, начал распространять вокруг невыносимый смрад разложения.

Пискнул телефон, запрятанный в задний карман джинсов, и Дмитрий машинально извлек его. На экране мобильного высветилось уведомление о новом сообщении.

«Чат бывших одноклассников», – пронеслось как в тумане, и он сглотнул подступивший к горлу ком.

Пару месяцев назад Дмитрий получил приглашение о вступлении в группу, в которой собрались его бывшие одноклассники. Он сам не знал, зачем принял приглашение – это сообщение наверняка шло веером, а не адресовалось непосредственно ему. Но как бы то ни было, он нажал кнопку «принять приглашение» и следующие пару недель без особого интереса следил за перепиской своих бывших одноклассников. Как он понял, чат создали для организации встречи и обсуждения сопутствующих вопросов.

Они шутили, обменивались анекдотами, дурацкими картинками, «гифками» и прочими приколами, называя друг друга по именам и забытым прозвищам, но никто даже вскользь не упомянул о Дмитрие. И от осознания этого было еще больнее, словно с заживающей раны постоянно сдирали корку, не давая ей залечиться. При том что все участники чата знали, что он тоже состоит в группе. Пусть хоть кто-нибудь сказал: «Эй, а как там поживает Шланг?! Шланг, ты

здесь? Как ты? Как твой напор, хе-хе?». Нет, даже никакого намека на его присутствие. Будто Дмитрия (Шланга!) и вовсе не было.

«А тебя и вправду не было... Во всяком случае, на выпускном вечере», – ехидно заметил внутренний голос.

Затылок Дмитрия обожгло жаром, и он глубоко вздохнул. Конечно, его не было на выпускном. Просто потому, что эти гады из его класса, Ковальчук, Лаликян и Черкашин, незадолго до этого знаменательного события снова поколотили его. Да так, что сломали Дмитрию голеностоп на правой ноге, из-за чего тот загремел в больницу. Он не стал никому жаловаться, а те трое, поняв, что объект «шуток» не стал выносить сор из избы, и вовсе сделали вид, что ничего особенного не произошло.

Действительно. Ну подумаешь, Шланг сломал лодыжку. Подумаешь, не припрется на выпускной – воздух чище будет. Зачем Шлангу выпускной? Чтобы пугал веселящуюся молодежь своей угрюмой рожей? Шланг он и есть Шланг, пускай лучше дома сидит в гипсе и телик смотрит.

Дмитрий не стал читать сообщение, убрал телефон. Опять какая-нибудь ерунда – либо кто-то уточнит, в какой ресторан пойти после встречи, либо кто-то предложит пересечься заранее, чтобы, как говорится, разогреться алкоголем и не идти «на сухую».

Он думал о другом.

А ведь это произойдет именно сегодня.

Дмитрий посмотрел на свои окровавленные руки и перевел взгляд на глянцевые коробки, которые он скинул со стула. Среди них была одна с чистящими салфетками для мониторов и экранов телевизоров. Вскрыв упаковку, он принялся не спеша протирать руки.

Сегодня.

Встреча выпускников.

«Мало тебя мутузили...» – словно со стороны услышал он тихий шепот отчима.

Черкашин, Лаликян... Дмитрий одно время читал их хвастливые посты в чате, мысленно костеря своих обидчиков, и не сомневался, что эти мрази с вероятностью в сто процентов будут на встрече. Наверняка к ним присоединится Ковальчук Виталий – тот еще урод! У Свободина с этим Ковальчуком были личные счеты. Ведь именно этот подонок в девятом классе незаметно забрал его рюкзак, в который потом нагадил...

Закончив очищать руки, Дмитрий скомкал розовую от крови салфетку и небрежно швырнул ее под стол. Туда, где лежало начинающее коченеть тело Кротова.

– Встреча старых друзей, значит, – медленно, с расстановкой промолвил он. – Так, Михаил Викторович?

Михаил Викторович, по понятной причине, ничего не ответил. Его распахнутые, выпученные глаза стали мутнеть.

– Так, – удовлетворенно кивнул парень. – И все вы соберетесь в одном месте, малыши – однокласснички.

Перед глазами, словно из дымки, выплыл образ стального сейфа с приоткрытой дверью, внутри которого хищно поблескивали оружейные стволы.

«Что ты задумал? – с беспокойством спросил внутренний голос. – Даже не думай об этом!»

– Закрой пасть, – процедил Дмитрий. – Просто смотри и молчи.

Голос затих.

Свободин быстро нашел связку ключей – он не хотел больше просить Вику открыть ему дверь. Лучше он сам откроет квартиру ключом отчима.

После этого Свободин торопливо обыскал пиджак отчима, вытащив из бумажника около семи тысяч наличными. Перед тем как уйти, прихватил с собой новенькую десятилитровую канистру. Она была пуста, но это не проблема – неподалеку от автомойки была заправочная станция.

Дмитрий осторожно вышел наружу и, закрыв подсобку, озираясь по сторонам, быстро удалился.

Школа № 125

В обусловленное время ослепительно-белый автомобиль Павлова уже стоял у ворот средней образовательной школы № 125. С крыльца по ступенькам навстречу ему спускался пожилой мужчина в темно-синей униформе охранника и, припадая на ногу, заторопился к воротам.

– Артемий Андреевич, здравствуйте, – забормотал он, вынимая из петель поржавевший замок. – Карина Романовна предупреждала, что вы приедете...

– Добрый день, – поздоровался Артем.

– Машину лучше вон туда поставить, там тенек, и детворы нет, – указал престарелый секьюрити. – Ох, и шикарная же она у вас, – не удержался он от похвалы. – Карина Романовна сейчас вас встретит.

Тихо шурша покрышками, адвокатский седан въехал на территорию школы, а охранник повесил замок обратно в петли.

Артем припарковал машину и, прихватив рабочую папку с лекционными материалами, зашагал к главному входу. На мгновение задержался у дверей, с легкой улыбкой глядя на оживленно болтающих школьников с воздушными шарами. В какой-то неуловимый миг адвокат перенесся мыслями в тот далекий год, когда ему вручали аттестат об окончании школы. То трепетное и непередаваемое чувство, когда

он держал в руках заветную корочку с отметками, которые были выведены каллиграфическим почерком учительницей русского языка (причем простыми чернилами), он всегда будет помнить.

Войдя внутрь, Павлов остановился у турникета на входе. Судя по тому, как проходящие мимо школьники толкали его ногами и бедрами, при этом не прикладывая к считывающему устройству никаких карт, турникет был неисправен.

Артем взглянул на часы. До его выступления оставалось менее тридцати минут.

– Артемий Андреевич! – послышался звучный женский голос, и он поднял голову. К нему направлялась высокая полная женщина в строгом костюме-тройке, держа в руках очки в серебристой оправе. Обрамленные густыми наращенными ресницами глаза излучали одновременно радостное участие и напряжение.

– Здравствуйте, уважаемая Карина Романовна, – кивнул Павлов.

– Мы очень рады вашему приезду! – заулыбалась директриса. – Пойдемте, пока не началась официальная часть, я вас кофе угощу...

– Спасибо, но с вашего позволения я бы сразу прошел в актовый зал, – вежливо отказался от предложения Артем. – Пока свои материалы разложу, соберусь с мыслями... Так будет удобней. Что называется, «обживу» место встречи.

– Конечно, конечно, Артемий Андреевич. Идемте, я про-

веду вас...

Павлов бросил взор на пустую стойку охранника. Тот немолодой охранник, впустивший его на территорию школы, так и не появлялся.

– А где охрана? – словно невзначай спросил он. – Это, конечно, не мое дело, но еще со времен армии я твердо усвоил, что покидать пост запрещено. Его нельзя оставлять ни при каких обстоятельствах.

Карина Романовна уставилась на пустую стойку с таким видом, словно Павлов предложил ей извлечь квадратный корень из матрицы. Надев очки, она огляделась по сторонам.

– Действительно, а где Егор? – задалась она вопросом и, спохватившись, повернулась к адвокату: – Наверное, он отошел куда-то.

– Если вы имеете в виду пожилого прихрамывающего мужчину, то он встретил меня у ворот. И, видимо, там и остался.

Директор пожала плечами:

– Скорее всего, вышел покурить. Я все время его ругаю, но ничего не поделаешь.

Артем вздохнул, и Карина Романовна истолковала это по-своему.

– Да вы не волнуйтесь, Артемий Андреевич. В нашей школе эксцессов сроду не было, – улыбнулась она ярко накрашенными губами. – У нас охрана чисто для проформы, все друг друга знают. Тем более конец года, у всех другие заботы

– экзамены, отпуск... Идемте.

Она торопливо направилась к ступенькам, звонко цокая высокими каблуками, и Павлов пошел следом. У лестницы он непроизвольно обернулся и наконец увидел охранника. Тот не спеша прошел внутрь, сел за стойку и, обмахиваясь сложенной газетой, зевнул.

– ...вы не представляете, какая у нас дружная школа! – не умолкала тем временем директриса. – Вот не поверите, у нас самые сплоченные выпуски, это я вам со всей ответственностью заявляю! Представляете, многие ребята до сих пор общаются и устраивают встречи, хотя после выпуска прошло десять и пятнадцать лет! А мы это всячески поощряем и, со своей стороны, помогаем в силу своих возможностей... вот, к примеру, в ближайшую неделю мы ждем наших выпускников трехлетней давности! Кстати, собирались сделать это сегодня, но ради вашего приезда перенесли встречу... Ну, вот мы и пришли.

Она толкнула дверь, ведущую в актовый зал.

Вооружен и опасен

Все дальнейшее происходило как в лихорадочном припадке. Мозг едва поспевал за действиями, словно вовсе перестал контролировать тело и теперь был лишь пассивным наблюдателем.

Заправив канистру, Дмитрий зашел в продуктовый магазин, где купил шесть бутылок с газировкой. Сладкую воду он вылил в урну, едва выйдя наружу, а пустые бутылки сложил в пакет и двинулся домой. Туда, где в темном углу его дожидался стальной сейф. Напрягать Вику уже не было нужды – нужный ключ был в связке, которая лежала у него в кармане.

Он поставил на пол тяжелую канистру, аккуратно расставил пустые бутылки, после чего принялся осторожно переливать в них горючую жидкость. Воздух моментально наполнился характерным сладковато-едким запахом. В каждую из бутылок Дмитрий добавил немного моторного масла. Когда все стеклянные емкости были заполнены доверху, Дмитрий направился в ванную комнату. Блуждающий взор парня остановился на мужском махровом халате, и он ухмыльнулся. Сорвал его и, захватив ножницы, вернулся в холл. Уселся по-турецки и, распрямив перед собой халат, начал нарезать из него узкие лоскуты. Когда все было готово, Свободин намотал их на горлышки бутылок, оставив небольшие хвостики-фитили.

«Ты что задумал? – озабоченно спросил все тот же голос. – Эй, не лучше ли притормозить?!»

– Не лучше, – хмыкнул Дмитрий. Привязав последний фитиль, он принялся закручивать крышки на бутылках. Закончив, парень отправился на кухню и после недолгих поисков нашел на подоконнике зажигалку. Отчим часто любил курить в приоткрытое окошко, а мать, которой было это неприятно, со временем смирилась с этой привычкой.

«Дружище, одумайся!»

– Я только и делал, что думал, – бросил он. – Особенно последние лет пятнадцать.

Дмитрий медленно обошел всю квартиру, остановившись у своей комнаты.

«У своей бывшей комнаты», – поправился он.

«А если сейчас домой придет Вика?! – не унимался голос. – Она сразу догадается, что...»

– Тогда я свяжу ее, – последовал спокойный ответ вслух.

«Собственную сестру?!!»

– Именно, – кивнул Дмитрий. Он смотрел на стены комнаты, оклеенные свежими обоями, а перед глазами маячили плакаты рок-групп, которыми он в свое время завесил почти все стены... На подоконниках стоял ряд горшков с домашними растениями, но вместо них Дмитрий видел сборные модели кораблей, которые он клеил в те безмятежные годы своей юности. Где они? Выкинули в мусор?

«Остановись, парень, – настойчиво продолжал голос. –

Поверь, ты сделаешь только хуже... Самое лучшее – сдаться. Расскажешь, что этот козел первым на тебя напал... Ты молодой, суд будет к тебе снисходителен...»

– Закрой свою пасть! – заорал Дмитрий и с силой захлопнул дверь. Внутри что-то упало, послышался звон битого стекла.

«Наверное, часы со стены грохнулись», – отметил он, но это уже было не важно. Если бы сейчас началось землетрясение и здание стало бы разваливаться наподобие карточного домика, его план остался бы неизменным.

Не без труда переставляя ставшие непослушными ноги, он двинулся на кухню. Открыл холодильник и, обнаружив начатый пакет молока, отпил прямо из него. Смахнул жемчужные капельки с губ, затем вернулся в коридор и замер у зеркала. Только сейчас Свободин поймал себя на мысли, что с момента принятия окончательного решения постоянно думает лишь об одном человеке.

Анна Тополева.

Анна. Аня, Анюта...

Дмитрий провел рукавом по взмокшему лбу, не отрывая взгляда от собственного отражения.

Интересно, она придет на встречу выпускников? Скорее всего, да. Во всяком случае, тогда, в ходе общения в чате, она проявила заинтересованность. Хотя намекнула, что из-за маленькой дочки возможен форс-мажор.

Дмитрий тяжело и печально вздохнул.

«Эх, Аня, Аня... – подумал он, взъерошив свою густую шевелюру. – А ведь все могло быть иначе. Если бы я проявил хоть немного смелости и решимости...»

«Ерунда, – неожиданно раздался в мозгу шепот отчима. – Ничего бы ты не добился... Шланги не умеют проявлять решимости... Шланги предназначены для прокачки всякой хрени... Дерьма, например...»

– Я... не шланг! – взвился Дмитрий и, шагнув вперед, сорвал зеркало со стены. Оно с грохотом обрушилось на пол, разлетевшись осколками, но Свободин продолжал ожесточенно топтать острые куски стекла ногами. Образ девушки, к которой он испытывал самые нежные и сокровенные чувства, развеялся как дым. Теперь в сознании молодого человека, словно мишени, вспыхивали лица его обидчиков.

Черкашин... Лаликян... Ковальчук...

Дмитрий остановился, дыхание со свистом вырывалось изо рта.

«А почему именно эти трое?! Весь класс видел, как эти мрази издевались надо мной, – с яростью подумал он. – Все смотрели на это, будто шел бесплатный спектакль. И никто не попытался их даже остановить. Никто».

– Никто, – вслух повторил Дмитрий. – Даже ты, Аня.

Значит, виноваты все. И если даже Аня встанет у него на пути, у него не останется выбора.

Он открыл шкаф-купе.

Сейф ждал его. И когда он повернул ключ, стальная двер-

да послушно открылась, словно приглашая его поскорее взяться за дело.

Нервный озноб неожиданно прошел, сердцебиение вернулось в норму, в глазах появилась осмысленность, его охватило странное и очень приятное возбуждение. Красная черта уже пересечена, пора действовать.

Дмитрий вынул из сейфа оба ружья, деловито их осматривая.

Нарезную винтовку-штуцер он отмел сразу. Слишком длинный ствол, да и хлопот не оберешься – перезаряжать после каждых двух выстрелов... Все свое внимание Свободин сосредоточил на помповом ружье. Взяв массивный дробовик в руки, Дмитрий с кривой холодной улыбкой осмотрел его. «Маверик-88», отличная вещь в ближнем бою, прототип «Моссберга-500», восхваляемый многими самооборонщиками. Тем более небольшой опыт обращения с этой вещицей у Дмитрия имелся – еще в самом начале отношений Михаила Викторовича и его матери, когда между ним и отчимом вовсе не было взаимной ненависти, Кротов отвел тринадцатилетнего Диму в тир и показал принцип работы помповика. К тому же отчим как-то хвастался, что увеличил объем магазина до семи патронов.

Убедившись, что патронник «Маверика» пуст, Дмитрий достал из сейфа несколько коробок с боеприпасами. Высыпав патроны прямо на пол, он принялся их считать. Двенадцатого калибра, соответствующего дробовику, он насчитал

сорок шесть штук.

«Вполне хватит для встречи со старыми друзьями», – пронеслась мысль, и губы Дмитрия разъехались в стороны в жуткой улыбке.

Он принялся заталкивать патроны в зарядное окошко. Рант гильзы каждого из них фиксировался в магазине с характерным щелчком, и в сознании Дмитрия этот звук был будоражащим аккомпанементом к предстоящей песне расправы.

Заполнив подствольный магазин, Дмитрий передернул цевье дробовика, досылая патрон из магазина в патронник. По коже молодого человека побежали мурашки, и он вновь испытал странное возбуждение.

«Вы все увидите... Все... Что я не шланг», – мелькали в его голове обрывочные мысли.

Несколько минут ушло на то, чтобы переодеться. Ему повезло – отчим не сильно отличался от него по комплекции, и его черные походные штаны с охотничьим жилетом-«разгрузкой» пришлись Дмитрию почти впору. Как и новенькие, пахнущие кирзой берцы, которые Михаил Викторович, похоже, вообще надевал всего один или два раза. Свой наряд Свободин завершил черной кепкой, надвинув ее почти на самые глаза.

После этого он убрал помповик в чехол, рассовал остальные патроны по карманам. Аккуратно сложил бутылки с зажигательной смесью в спортивную сумку, повесив ее на пле-

чо.

Перед выходом Дмитрий задержался, бросив равнодушный взор на осколки зеркала. Поблескивая в темном коридоре, они были похожи на россыпь драгоценных камней, и из каждого на него смотрел какой-то суровый тип в мрачной униформе и с горящими из-под надвинутой кепки глазами.

– Я закончу то, что должен был сделать еще тогда, в две тысячи восемнадцатом, – прошипел Свободин в пустоту. – Считайте, я продлил вам жизнь на эти долгих три года.

С этими словами он вышел из квартиры.

Гром

Карина Романовна все же уговорила Павлова на несколько минут зайти к себе кабинет, предварительно попросив помощницу приготовить кофе. Во время всех этих передвижений директриса болтала без умолку, расхваливая школу в целом и своих выпускников в частности, успевая при этом отвечать на телефонные звонки и здороваться с проходящими мимо школьниками.

Одновременно во всей этой энергичной суетливости явно ощущалось скрытое беспокойство.

– Карина Романовна, вы не волнуйтесь, – сказал Артем, когда Карина Романовна затихла на миг, переводя дух. Сделав глоток кофе, он поставил чашечку на блюдце.

Директор нервно засмеялась.

– Это так заметно, Артемий Андреевич? – спросила она, слегка покраснев, и адвокат кивнул.

– Идемте, – сказал он, поднимаясь. – Нас уже ждут.

* * *

Актный зал, заполненный к тому времени до отказа, встретил Артема оживленными аплодисментами. Вместе с Кариной Романовной, которая не переставала улыбаться, он

прошествовал на сцену к микрофонной стойке. Протараторив приветственное слово и поздравив выпускников с окончанием школы, директриса торжественным голосом объявила о почетном госте и выразительным жестом пригласила адвоката. Зал вновь взорвался единодушными овациями.

Павлов снял микрофон со стойки и глянул на директрису: – С вашего разрешения я все-таки спущусь вниз. Надеюсь, меня всем будет видно.

Карина Романовна захлопала глазами, машинально кивнув. Видя, как адвокат спускается со сцены, она последовала за ним и уселась на свободное место у окна.

– Добрый день, уважаемые друзья! – начал Павлов. – В этот праздничный и волнующий день я искренне рад нашей встрече! Уверен, что наше общение будет интересным и, возможно, даже полезным. Но главное, я постараюсь не дать вам скучать! Пусть каждый из присутствующих вынесет из нашего общения что-то важное для себя. По крайней мере, я бы очень хотел получить от вас интересные вопросы и заряд вашей бодрости!

Он широко улыбнулся и просканировал своим взглядом собравшихся в зале. Помимо учителей и выпускников на встречу также пришли некоторые родители школьников, и по меньшей мере две сотни глаз внимательно смотрели на него.

– Карина Романовна сообщила, что большинство из вас, выпускников, намеревается поступать в юридические ву-

зы, – продолжил Артем. – Все мы знаем, что любое движение и каждый поступок в нашем современном обществе должен быть хорошо взвешен и соответствовать законам государства, в котором мы проживаем. И наверняка вы слышали известную фразу – «Незнание законов не освобождает человека от ответственности».

Павлов снова обвел взором притихший зал.

– Без преувеличения скажу, что юриспруденция – одна из самых востребованных профессий, престиж которой постоянно и неуклонно растет. И многие выпускники школ, в том числе и вашей, отдают предпочтение именно этой профессии.

Пробивающиеся сквозь жалюзи солнечные лучи внезапно померкли, небо за окном потемнело. В окно ударили первые капли дождя.

– Всем известно, что любая организация, будь то государственная или частная, не сможет вести успешную деятельность без грамотного юриста. Юрист в современном обществе – это своего рода специалист, который обучен разрешать социальные конфликты с позиции права, то есть справедливо, на разумной основе. Не случайно еще в Древнем Риме говорили: *«Justitia est obtemperatio scriptis legibus»*, что в переводе означает: *«Справедливость – это повиновение писаным законам»*...

Где-то вдалеке пророкотал гром, и внезапно сильный порыв ветра ударил в окно. Створка резко дернулась, столкнув

на пол небольшой керамический горшок с геранью. Тут же с неба холодной стеной обрушился ливень.

Артем, находившийся ближе всех к разбитому цветку, шагнул вперед.

– Миссия юристов заключается в служении людям, обществу... – невозмутимо проговорил он, вынимая из кармана шелковый платок, – ...чтобы обеспечить в обществе организованность, дисциплину и такой правопорядок, который базируется на началах справедливости, гуманизма и правды.

С этими словами он бережно поднял комоч земли с цветком, который каким-то чудом уцелел при падении, и положил его на подоконник. Одна молодая учительница, сидевшая во втором ряду, кинулась собирать осколки.

Директриса, спохватившись, вскочила с места, всплеснув руками:

– Артемий Андреевич, ну что вы?! Испачкаетесь!

– Все в порядке, – ответил Артем. – Это всего лишь земля.

Он уже собрался поставить створку окна на ограничитель, как его внимание привлекла одинокая фигура, стоящая рядом с беговой дорожкой, которая опоясывала футбольное поле. Это был высокий молодой человек в темных охотничьих брюках и камуфляжном жилете, и он неподвижно стоял, глядя на здание школы. На одном плече парня висела спортивная сумка, на другом – что-то продолговатое, в черном чехле. Затем, будто очнувшись, он поднял голову и наконец-то заметил в открытом окне адвоката. Бледное лицо

молодого человека внезапно искажила безумная гримаса. Поставив сумку прямо в пузырящуюся от дождя лужу, он медленно провел ребром ладони по шее. После этого недвусмысленного жеста он подхватил сумку и быстро пошел к школе.

— ...для этого юрист должен обладать рядом отличительных качеств, — снова заговорил Артем, повернувшись в сторону директрисы. Карина Романовна перехватила многозначительный взгляд адвоката, тут же поднялась со стула и направилась к нему.

— Среди таковых, как мне представляется, следует выделить: порядочность, честность, ответственность... постоянное стремление к совершенству. Может кто-нибудь из вас назвать еще важные для юриста качества? — спросил Павлов. — Подумайте, не спешите.

В и без того тихом зале воцарилась полнейшая тишина.

— Что-то случилось? — шепотом спросила Карина Романовна, вплотную приблизившись к адвокату.

— У вас есть связь с охраной? — так же тихо поинтересовался Артем.

Ответить директору помешал очередной раскат грома.

Едва гром, прокатившись по небу и оттолкнувшись от грешной земли, стих, странным эхом снизу ему ответили выстрелы.

Первая цель

Помимо выпускников, в настоящий момент собравшихся в актовом зале, в школе был еще один человек, для которого этот день был последним в стенах учебного заведения. Так совпало, что последний звонок так же стал завершающим днем трудовой деятельности Егора Андреевича, бывшего учителя труда сто двадцать пятой школы, который в данный момент, в меру своих сил и возможностей, выполнял функции охранника.

И эти дежурные сутки тянулись для пожилого мужчины длиннее обычного. Впрочем, были и плюсы – не каждый день в их школу приезжала звезда такой величины, как Павлов, мэтр отечественной юриспруденции!

Егор Андреевич с супругой часто смотрели передачи с выступлениями известного адвоката, поражаясь, с какой легкостью тот разбирал запутанные и, казалось бы, практически неразрешимые дела. С какой точностью и профессионализмом Павлов давал оценку тем или иным действиям с точки зрения закона! Егор Андреевич решил, что, как только адвокат закончит лекцию, он обязательно попросит у него автограф.

Мысли пенсионера переключились на предстоящее празднование дня рождения – через неделю ему должно было стукнуть шестьдесят восемь! На семейном совете было ре-

шено, что торжественное событие лучше всего отметить на природе, и их дача была самым идеальным местом для этого мероприятия.

Пожилому охраннику школы, бывшему учителю труда и в голову не могло прийти, что до своего дня рождения он просто не доживет. И автограф от Павлова ему тоже не удастся получить.

Но в этот момент он ни о чем таком даже не догадывался и лишь нетерпеливо поглядывал на часы.

Кроме выпускников с родителями и учительского персонала, собравшихся в актовом зале, в школе находились также десятиклассники, у которых в настоящее время шел факультативный урок. Так что как минимум еще минут сорок или час придется подождать – директриса обещала отпустить его сегодня пораньше...

Егор Андреевич решил позвонить супруге, чтобы уточнить список покупок ко дню рождения, и уже достал мобильный телефон, когда неожиданно резко распахнулась входная дверь.

Егор Андреевич поднял голову, вопросительно глядя на посетителя. И тут же почувствовал, как по коже пробежала ледяная дрожь.

Перед ним стоял высокий парень в черной кепке и жилете-«разгрузке» маскировочного окраса. Через плечо странного посетителя была перекинута лямка спортивной сумки. Но все внимание побледневшего охранника сфокусирова-

лось на предмете, который вошедший крепко сжимал в руках. Это был массивный помповый дробовик – точь-в-точь такой же, как в американских боевиках.

«Кто это?.. – застучало в голове Егора Андреевича. – Зачем он здесь?!» Ему показалось, что чья-то костлявая рука вцепилась ему в шею.

Дмитрий шагнул вперед, выставив перед собой ружье. С козырька вымокшей кепки капала вода. Он посмотрел в сторону поста охраны, ощерившись в злобном оскале.

Бывший трудовик медленно поднялся с места. Несмотря на охвативший его страх, он, кажется, узнал молодого человека. Похоже, он учился здесь года два или три назад...

– Парень, не дури, – произнес Егор Андреевич, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал решительно. – Ты что задумал?!

– Я тебя не «тыкал», – отчеканил Дмитрий, нажимая на спусковой крючок.

На мгновенье чудовищный грохот выстрела ошеломил его самого, казалось, рядом разорвалась бомба или снаряд. Приклад «Маверика» отдачей ударил в плечо, из матово-черного ствола выплыло легкое прозрачное облачко дыма. Послышался глухой стук падающего тела – охранника отшвырнуло назад на метр, словно тряпичную куклу.

Дмитрий сглотнул, прогоняя противное чувство заложенности в ушах, которое часто возникает в самолете. Он пере-

зарядил ружье, глядя на раненого мужчину со смешанным чувством злорадства и любопытства. Его прищуренные глаза полыхали яростным огнем – он тоже узнал бывшего трудовика. Егор Андреевич корчился на полу, зажимая трясущимися руками зияющую рану на животе, из которой толчками выплескивалась кровь.

– Не надо, – прохрипел он. – Ос... остановись.

«Дети, – безостановочно крутилось в его мозгу, ошалевшем от пронзительной боли и страха. – В школе еще остались дети...»

– Книжки хорошие любить... И воспитанными быть, – сплюнул Дмитрий, безжалостно всаживая в умирающего охранника очередную пулю. Свинцовый заряд угодил ему в голову, раскроив череп. – Учат в школе, учат в школе, учат в школе.

Свободин удовлетворенно кивнул, передернув цевье помповика. Про себя он подумал, что второй раз это вышло намного уверенней, и отдача уже не казалась такой сильной.

Он уже было потянулся к сумке, чтобы заняться «коктейлем Молотова», но, передумав, решил сначала заполнить магазин своего ружья. Пальцы послушно вытащили из кармана «разгрузки» патроны, ловко вставив их один за другим в зарядное окошко. «Маверик» был вновь полностью укомплектован и готов к бою. Дима поймал себя на мысли, что с этим новым огнедышащим смертельным другом обретает все большую и большую уверенность. Это дело было выпол-

нено быстро и четко.

Положив ружье рядом, Дмитрий расстегнул «молнию» сумки, вытащив одну из бутылок. Скрутил пробку, распрямил «фитиль», из кармана выудил зажигалку.

Где-то за спиной послышалось едва уловимое движение, и он обернулся. Двое школьников стояли у раздевалки, глядя на него вытаращенными глазами.

Свободин нахмурился и вновь схватился за дробовик.

– Брысь отсюда, – велел он.

Мальчишки не двинулись, и Дмитрий подумал об оцепеневших кроликах, которые внезапно оказались перед удавом. Эта мысль ему понравилась.

Удав – это он.

Сильный, молниеносный, не оставляющий никаких шансов своей жертве, который только одним своим видом вселяет парализующий ужас.

Он поднял ружье и, выдержав трехсекундную паузу, выстрелил вверх. Пуля разнесла плафон на потолке, и сверху посыпался стеклянный дождь. Школьников словно ветром сдуло.

Усмехнувшись, Дмитрий вернулся к бутылке, заполненной горючей смесью. Крутанул колесико зажигалки, приблизив пляшущий огонек к фитилю. Когда тот вспыхнул, он размахнулся и с силой швырнул «снаряд» в сторону выхода. Звон разбитого стекла заглушил громкий «ФУХХХ!», и разлитая по стенам и дверям жидкость мгновенно полыхнула.

ла голубовато-оранжевым огнем.

Дмитрий улыбнулся. В расширенных зрачках сверкали блики разгорающегося пламени.

«Ты считаешь, это весело?» – тихо спросил внутренний голос.

– Да, – отозвался он, поднимая ружье на уровень груди. – В конце концов они поймут, кто я на самом деле. И как сильно они ошибались.

Краем уха он услышал какие-то возбужденные голоса, доносящиеся с лестницы.

Физрук

Когда Дмитрий с ружьем наперевес вошел в школу, учитель физкультуры Евгений Владимирович как раз закрывал ключом вход в спортивный зал. Последний урок в этом году был проведен, и все его мысли были заняты предстоящей встречей с приятелями, которые вот уже неделю звали его в пивной бар. На этот раз все должно было получиться.

Когда раздался первый выстрел, Евгений Владимирович не придал этому значения – на улице шел дождь, и физрук решил, что это просто очередной раскат грома.

Но когда он уже очутился в коридоре, грохот повторился, за ним последовал отдаленный крик. Кричал мужчина.

Евгений Владимирович озабоченно сдвинул брови. Этот звук, предшествующий крику...

«Больше похоже на фейерверк, чем на грозу – подумал физрук, крутя в руках связку ключей. – Кто-то балуется петардами?»

Он двинулся к лестнице, когда странный хлопок раздался в третий раз. Послышался звон битого стекла, и учитель физкультуры вздрогнул.

Выстрел.

«Это похоже на выстрел, именно!»

На лестнице он нос к носу столкнулся с двумя мальчуганами, которые в составе седьмого класса только что отзани-

мались у него физкультурой. Его потряс вид школьников – напуганные, с бледными, восковыми лицами.

– Игнатенко, Арсеньев... Что случилось? – спросил физрук с нарастающей тревогой. – Урок закончился полчаса назад, что вы тут делаете?!

– Мы... – заговорил один из мальчиков, придя в себя. – Хотели послушать лекцию адвоката, но нас не пустили... Пошли вниз, а там...

– Дядю Егора убили, – перебил его второй, и Евгений Владимирович похолодел.

– Как убили? – внезапно охрипшим голосом переспросил он.

С первого этажа донесся звон разбитого стекла, и мальчишки едва не подпрыгнули от неожиданности.

– Там какой-то незнакомый парень, – шепотом произнес первый школьник. – В военной куртке с ружьем... Выстрелил в Егора Андреевича, потом в нас... промахнулся...

– Бегом в туалет и закройте в кабинке, – приказал Евгений Владимирович, и мальчишек как ветром сдуло.

Когда они убежали, физрук застыл в нерешительности. Спуститься проверить? Или вызвать полицию? А вдруг этот ненормальный, о котором говорили ребята, уже ушел? А Егору Андреевичу требуется помощь?

После недолгих размышлений он все же решил вызвать полицию. Но как только его рука потянулась к телефону, на лестничной площадке появилась долговязая фигура. Че-

ловек торопливо, чуть ли не прыжками, поднимался вверх. Спортивная сумка болталась на спине, внутри нее что-то глухо звякало. Руки молодого человека стискивали короткоствольный дробовик.

Евгений Владимирович начал медленно отступать назад, но было поздно – его заметили.

– Добрый день, – произнес Дмитрий, вскидывая ружье.

Физрук замер. Сердце выстукивало непрерывную дробь, и в какой-то момент ему почудилось, что этот псих с дробовиком отлично слышит каждый удар.

– Нет, – проговорил он, поднимая руки вверх. – Не надо, пожалуйста.

Дмитрий развернул влажную кепку козырьком назад, продолжая другой рукой держать «Маверик».

– Узнал меня, Евгений Владимирович? – полюбопытствовал он. – Я вот тебя сразу узнал. По твоим старым кроссовкам. Ты в них и тогда вел у нас уроки. Я не забыл, как ты гонял меня одного по стадиону на потеху всем, только лишь потому, что я не уложился в норматив. Я помню, как ты называл меня дохляком и соплей из-за того, что я не мог подтянуться на турнике.

Физрук облизал губы, которые почему-то мгновенно стали сухими и шершавыми, как наждак.

А ведь он помнит этого парня!

– Ты...

Он лихорадочно рылся в закоулках памяти, пытаясь

вспомнить имя молодого человека. То, что он учился в этой школе, не вызывало никаких сомнений.

Дмитрий со снисходительной усмешкой наблюдал за учителем.

«Забавно наблюдать, как этот дятел отчаянно старается расшевелить свои “архивные файлы” в черепной коробке».

Наконец в мозгу физрука словно что-то щелкнуло и перевернулось. Как будто зубчик шестеренки встал на нужное место.

– Я вспомнил тебя, – как можно спокойней сказал он, осторожно опуская руки. – Ты учился три или четыре года назад. На выпускном тебя не было, ты сломал ногу.

– Не я сломал, а мне сломали, – поправил его Дмитрий. Ствол ружья слегка наклонился вниз, и этот жест вселил в физрука робкую надежду. – Это большая разница. И сегодня я верну должок тем, кто лишил меня выпускного вечера. Так как же меня зовут, Евгений Владимирович?

– Шлангин, – выдохнул тот.

Глаза молодого человека потемнели, губы сжались в две тоненькие полосочки, напоминая сложенные лезвия. Вскинув помповик, он отчетливо проговорил:

– Всё верно. Да, я тот самый Шлангин. «Шланг»! Трудно меня теперь узнать? Никогда бы не подумал, что мы так встретимся, так ведь?

Палец мягко нажал спусковой крючок, и мощный грохот сотряс стены лестничного пролета. Пущенный из ствола за-

ряд картечи попал Евгению Владимировичу в предплечье, практически оторвав правую руку по локоть. От резкого удара физрука развернуло и он, потеряв равновесие, сел, ошарашенно глядя на разорванные мышцы. Кровь черными кляксами забарабанила по бетонным ступенькам. Всклипнув, раненый пополз прочь, волоча за собой изувеченную конечность.

– Но я уже давно не Шлангин, – произнес Дмитрий, медленно следуя за ним. Его ботинки наступали в блестящие пятна крови, оставляя на ступеньках отчетливые следы подошв. – Я теперь Свободин.

– Не... убивай, – умоляюще прошептал Евгений Владимирович. Он повернул к убийце свое мертвенно-бледное лицо.

– Дохляк – это ты, – с ненавистью бросил Дмитрий. – А я решаю, кто достоин жить и называться человеком. Может, отожмешься напоследок? Раз пятьдесят. А я буду считать.

С этими словами он обрушил приклад дробовика на голову мужчины. Раздался гулкий стук, и тело физрука, обмякнув, распласталось на лестнице. Дмитрий опустился рядом, окунув ладони в теплую лужицу крови, затем прислонил их к щекам. Ноздри защекотал запах медных стружек.

Размазав кровь по лицу, Дмитрий хихикнул.

«Теперь я похож на индейца в боевой раскраске... Который вышел на тропу войны».

Он выпрямился и зашагал дальше. Его ботинки оставляли на линолеуме алые следы.

Пожарная тревога

«Похоже, гладкоствол, – подумал Павлов, когда раздался второй выстрел. – Судя по всему, тот подозрительный тип уже проник в школу и открыл стрельбу».

Карина Романовна тем временем безуспешно пыталась дозвониться до охранника. В актовом зале повисла напряженная тишина.

– Вы думаете, дети принесли в школу петарды и взрывают их? – спросила директор, с тревогой глядя на адвоката. – Егор не отвечает.

«Я думаю, что внутрь проник вооруженный злоумышленник, – мысленно ответил ей Артем, стараясь ничем не выдать своего волнения. – И ваш бывший трудовик Егор, работающий по совместительству охранником, наверняка ранен. Или даже убит».

Вслух же он сказал:

– У вас с собой ключи от актового зала?

– У завуча, – поспешно ответила Карина Романовна. Она переминалась с ноги на ногу, словно провинившаяся школьница. – Ольга Аркадьевна!

Она помахала рукой, и с третьего ряда поднялась женщина лет пятидесяти с пышной прической.

– Пожалуйста, закройте дверь, – попросил Артем, и та заспешила к дверям.

По залу пробежал недоуменно-тревожный гул.

– Что происходит? – громко спросил кто-то из родителей. – Мы все слышали какие-то хлопки!

– Кто-нибудь может объяснить?! – подключилась женщина из второго ряда и встала.

Ряды зашевелились. Ропот усиливался.

Когда завуч закрыла дверь на ключ, Павлов достал смартфон.

– Нам угрожает опасность?! – громко воскликнул высокий лысый мужчина в розовой рубашке и галстуке.

– В настоящий момент вам ничто не угрожает, – отозвался Артем. – Я очень прошу всех соблюдать спокойствие и тишину.

Набрав номер полиции, он повернулся к окну, по которому продолжал нещадно стучать дождь. После соединения с дежурным Павлов четко и внятно объяснил происходящее, сообщив адрес школы.

Как только он закончил, послышался третий выстрел.

Карина Романовна ойкнула, губы ее беззвучно зашевелились.

– Там кто-то стреляет! – испуганно выкрикнула стройная блондинка, мать одного из выпускников. – Это же выстрелы!

Павлов подошел к двери и внимательно осмотрел ее. Стандартная деревянная дверь, вышибить которую из дверной коробки не составило бы особого труда взрослому пар-

ню.

– Похоже, лекция окончилась, – пробасил пузатый мужчина с полоской усов над верхней губой, и в его голосе сквозило неприкрытое раздражение. – И долго мы будем тут сидеть, пребывая в неизвестности? Чего ждем, господа? – обратился он уже ко всем присутствующим, но поддержки не дождался, взял за руку темноволосую девочку и направился с ней к двери.

– Выпустите нас! – потребовал он, недружелюбно глядя на Павлова.

– Пожалуй, вы не до конца понимаете суть происходящего, – заметил адвокат. – Сейчас нельзя выходить в коридор, это может быть опасно.

Ситуация накалялась с каждой секундой, и зарождающаяся в зале панику следовало погасить, причем сделать это нужно немедленно. Артем посмотрел в сторону директора, ожидая от нее какой-то реакции, но тут же понял, что ждать от нее поддержки бессмысленно. Карина Романовна выглядела полностью дезориентированной, словно ее вытолкали из автобуса на оживленную трассу с завязанными глазами, она стояла словно в каком-то ступоре, глупо хлопая глазами. Завуч находилась рядом, она нервно перекладывала из рук в руки связку ключей и растерянно смотрела на Павлова.

– Я прошу внимания, – громко заговорил адвокат. – Если кто еще не понял! В здание школы проник вооруженный человек. Возможно, их несколько. Я сообщил об этом в по-

лицию, и группа быстрого реагирования должна прибыть с минуты на минуту. Наша задача – не привлекать внимание преступника, сидеть тихо!

На лице толстяка, который продолжал держать за руку дочь, отразилось недоверие.

– Чушь, – фыркнул он. – Это просто детишки петарды взрывают, а вы говорите – вооруженный человек... Откройте дверь! Нам надо уйти!

Павлов в упор посмотрел на него.

– У меня уйдет много времени, чтобы объяснить вам разницу между звуком петарды и выстрелом, – выдержав короткую паузу, произнес он. – Я не имею права вас удерживать здесь. Но прежде чем вы переступите порог зала, подумайте о своей дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.